

Эгон Эрвин Киш

Приезд в Австралию

Дорога к антиподам

Произошло убийство короля. Александр II Сербский, третьего дня, в качестве гостя, прибывший во Францию, убит при въезде в Марсель. Не он один; французский министр иностранных дел, Барту, сидел в машине рядом с королем, и тоже был убит.

Убийцу зарубили саблями, при нем оказался чехословацкий паспорт. Сообщники, жившие вместе с ним в гостинице, также пред'явили чехословацкие паспорта.

Облава на чехословаков и югославов; в одном Марселе в префектуру было доставлено четыреста восемнадцать, в Париже — больше трехсот. Пограничные станции французских железнодорожных линий и порты — охраняются...

Весь мир охвачен волнением, особенно Франция, особенно Марсель. Место преступления осаждается толпой. Стоящие впереди притиснуты друг к другу, стоящие позади поднимаются на цыпочки, чтобы увидеть хоть краешек лужи: кровь короля, кровь министра, кровь убийцы.

Плакаты «Аксион Франсэз» и других фашистских объединений кричат, что виноваты иностранцы, они, эти нежеланные гости, предательски убивают желанных гостей Франции; долой красных предателей, агентов Москвы, иностранцев — вон!

Плакаты антифашистов отвечают: автомобиль короля не охранялся, как не охранялся три года назад и президент республики. Тогда в убийстве Думера обвиняли

Перевод с немецкого
В. СТАНЕВИЧ

большевиков. Тот факт, что убийцей оказался белогвардеец, мстивший Франции за то, что она не воюет с Красной Россией, — нисколько не помешал террору против левых. Очевидно, теперь поступят так же.

Повсюду стоят спорящие, обсуждающие событие группы; перед домами, в которые ворвалась полиция, ждет толпа.

По этому взволнованному, насторожившемуся Марселю идет человек, и на душе у него отнюдь не спокойно. Он идет с вокзала на пристань, ему хотелось бы сегодня уехать из Франции, у него чехословацкий паспорт; он не монархист и не фашист; напротив. Пустят его на пароход или нет?

Его пустили на пароход. В полночь он должен выйти в море, но так значит только в расписании. Когда отдают концы, даже самые суеверные пассажиры спят и не замечают, что они отчалили тринадцатого... в воскресенье, 13 октября 1934 г. в пять часов утра.

Человеку с чехословацким паспортом это безразлично; он рад отплыть от берегов Европы. Он знает, что теперь перед ним долгая передышка, прежде чем он попадет в новую зону опасности.

Меньше всего мы собираемся вести читателя по ложному следу. Поэтому заявим сразу же, что человек этот не имеет никакого отношения к убийству короля Александра и министра Барту.

Все же нам предстоит заниматься этим человеком больше, чем хотелось бы и нам и ему. Нам: ибо мы — это пишущий данную книгу, а он — герой книги. Слова «герой» мы охотно избежали бы, хотя, разумеется, мы применяем его не в смысле героической фигуры, а в смысле «литературного персонажа». Мы вовсе не хотим выставлять героем человека, которым нам предстоит заниматься, но мы не можем, как бы ни хотели этого, — назвать его в данном случае и противоположностью героя. Ибо он близок нам как соотечественник, как единомышленник и так далее; мы солидаризируемся, мы даже отождествляем себя с ним. Человеку этому, как уже сказано, тоже неприятно, что им занима-

ются. И если бы ему пришлось самому описывать впоследствии еще пока только ожидающие его приключения, он глубоко перевел бы дух и взял бы наверное такой же большой разбег, как это сделали мы.

Перед нами «Стратхэрд», пароход, вместимостью двадцать две тысячи пятьсот тонн; большое судно; большее не могло бы пройти через Суэцкий канал.

— Что означает название «Стратхэрд»? — спрашивает наш путешественник соседа по каюте. Тот, случайно, оказывается шотландцем (не очень случайно, так как почти все пассажиры либо шотландцы, либо ирландцы, либо англичане) и отвечает, что «Стратхэрд» — название местности в Шотландии, есть еще местность, которая называется Стратнавер, и ее имя носит другое такое же судно. — И в Стратхэрде, и в Стратнавере еще говорят по-гэльски, это особая разновидность кельтского, но не та, что в Ирландии, а шотландско-гэльская...

— Очень интересно, — говорит наш путешественник, ибо кельтский язык его абсолютно не интересует, а тем менее то обстоятельство, что этот язык имеет еще ряд разновидностей.

Но мы, мы потираем руки... подожди, дружок, ты еще заинтересуешься шотландско-гэльским языком. Но мы не хотим предвосхищать событий, не хотим что-либо выдавать заранее ни читателю, ни герою, который скусающим тоном говорит соседу: «очень интересно».

Очень далеко идет «Стратхэрд», в юго-восточную часть земного шара. Поэтому пароход соответственно оборудован, а пассажиры опытны в искусстве кругосветных путешествий. Они играют в теннис, точно дома никогда ничего другого не делали, они готовят турнир, избирают спортивный комитет, лихо размахивают клюшками в гольфе, бросают свернутые канаты, с десятиметрового расстояния, прямо в цель. Они тонкие знатоки всех сортов виски, они ведрами черпают пресную воду для обливания после морской ванны. Вечером — танцы. После каждого танца смокинги хватают друг друга за руки, образуют круг и вертятся под звуки неизменной мелодии, кругом, кругом, вокруг внутреннего кольца вечерних туалетов, пока эта трада-рада-та-та не обрывается; тогда все сразу останавливаются и каждый смокинг должен танцевать следующий танец

с тем вечерним туалетом, против которого он очутился.

Говорят о Калькутте, Бомбее, Пешаваре, Лагоре или Цейлоне. Там есть общие знакомые; расспрашивают, информируют друг друга. Случайные собеседники оказываются земляками из одного и того же английского графства, и вот выясняется, что они жили в Индии в том же районе и не знали этого. И вот только теперь господь привел познакомиться, — «let's have a drink» — по этому случаю выпьем.

Даже сапожник грек, который говорит только по-гречески, знает только греческие буквы, и, значит, не может прочесть ни слова по-английски, даже он оказывается британским подданным, ибо он родом из Мальты. Иностранцев только четверо, это — итальянцы, мастера игры в шувфльборд¹; один из них иногда носит черную рубашку.

И человек, которым занято наше внимание, тоже не британский подданный. Никогда в разговоре не выясняется, что он земляк своих собеседников, из какого бы графства они ни происходили; у него нет с ними общих знакомых ни в Пэнджабе, ни в Бомбее, ни в Гаудерабате, ни в Калькутте; он имеет самое слабое представление об игре в теннис, в шувфльборд, в гольф, в крикет, он не пьет виски, так как у него нет денег и — шокинг — у него даже нет смокинга, почему он и живет как отщепенец среди этого общества.

Только дети с ним в дружбе, так как он умеет показывать фокусы, и вот к нему подходит его пятилетний друг: пожалуйста, расскажи мне кое-что о смерти сербского короля. — Что? Почему это тебе пришло в голову? — А когда ты проходил мимо, папа сказал маме — «этот безусловно мог бы кое-что порассказать о смерти сербского короля».

Мнения спутников мало трогают нашего путешественника, он рад, что находится на корабле и едет в Австралию (а он едет в Австралию).

Пока он еще далеко, очень далеко от цели. «Стратхэрд» как раз проходит пролив св. Бонифация, справа Сардиния, слева — Корсика, по самой середине дороги — дымящийся шатер. При ближайшем

¹ Игра заключается в том, что игроки, вооруженные киями, должны загнать деревянные диски в многочисленные деления диаграммы, нарисованной мелом на полу.

рассмотрении это оказывается вулкан; Стромболи бесцеремонно дымит пассажирам прямо в лицо. В недрах скалы орудут бог ветра и бог огня. Старая заслуженная фирма «Эол и Вулкан», но уже давно неспособная конкурировать. Весь Стромболи легко уместился бы в одном цехе любого новейшего оружейного завода, а современные воздуходувки мгновенно сдули бы с лица земли кузнечные меха Эола. Все же труба продолжает дымить и пассажиры фотографируют отсталую кузницу.

Что же касается виднеющихся слева Липарских островов, то они не вызывают среди пассажиров никакого интереса; вот уж десять лет как Муссолини держит там в заключении социалистов и антифашистов.

* * *

Всего четыре дня назад наш путешественник сидел в по-октябрьски холодном уголке на северном побережье Франции и писал что-то о восемнадцатом веке. Но тут пришла телеграмма от Анри Барбюса: «Можете немедленно приехать в Париж?»

В Париже нашего путешественника спросили, хочет ли он отправиться в Мельбурн делегатом Международного комитета борьбы с войной и фашизмом на антивоенный конгресс.

— Когда?

— Завтра вечером — в Марсель, послезавтра — из Марселя в Австралию, но не прямо морем до Мельбурна, — так вы опоздаете на конгресс. Из Фремантля, первого австралийского порта, вы поедете в Мельбурн поездом, это стоит двенадцать английских фунтов; проезд на пароходе обойдется примерно, восемьдесят фунтов — туристский билет туда и обратно. Деньги на дорогу австралийцы выслали по телеграфу. Правда...

— Правда?

— Правда, они послали их в Англию, это дешевле, и мы произведем расчет с Лондоном. Пока мы должны вам их выложить.

— А вы можете их выложить?

— Мы должны, австралийцы, ведь, выслали деньги. Завтра вы от нас получите деньги.

— Да, но...

— Но? что — но? Разве вы не хотите ехать? Мы думали, что вы будете в дороге.

— Конечно. Но здесь есть заковыка: я был выслан из Англии.

— Это значит в вашем паспорте?

— Раньше значилось. Теперь у меня новый.

— Что-ж, чудесно, значит вы можете ехать.

— Может быть, мне следует сначала запросить английское консульство, не возникнут ли какие-нибудь затруднения? Ведь бессмысленно проделать кругосветное путешествие и не иметь права сойти на берег.

— Сойдете.

— Не лучше ли послать вместо меня вполне «чистого человека»?

— Глупости! Другого тоже задержат. Делегатов на антивоенные и антифашистские конгрессы всегда задерживают. Об этом заботятся дипломаты Гитлера в соответствующей стране.

— Следовательно, меня задержат вдвойне.

— Может быть. Но вы — выкрутитесь.

— Блажен, кто верует.

— Ладно. А теперь поезжайте к Куку.

В бюро путешествий не знали, есть ли еще свободные места на «Стратхэрде», — знаете, ведь в Мельбурне столетний юбилей?

Конечно, он знает, отвечал наш путешественник, разумеется, of course, naturellement, поэтому-то он и едет в Австралию, именно из-за столетнего юбилея.

Кук запросил Марсель по телефону, оказалось, что есть одно место в четырехместной каюте, цена за проезд туда и обратно 78 фунтов стерлингов. — Оставить для вас билет?

— Да.

— Уплатить нужно сейчас же.

У нашего путешественника, по чистой случайности, нет с собой таких денег.

— Достаточно задатка.

У нашего путешественника, по чистой случайности, вовсе нет с собой денег. Нельзя ли подождать до завтра?

— Без гарантии.

Наш путешественник спрашивает, не нужна ли виза на право въезда. — Нет, — сообщают ему, — чехословакам, имеющим обратный билет, не нужна виза.

Теперь нехватает только денег. Сто семьдесят пять франков до Марселя, семьдесят три фунта стерлингов до западной оконечности Австралии, двенадцать фунтов

оттуда до Мельбурна. И что-нибудь на продовольствие, как никак путешествие в один конец продлится пять недель, а если не разрешат сойти на берег,— то на обратный путь нужно класть не пять недель, а десять: судно ведь не сейчас же повернет обратно, оно направится из Австралии в Новую Зеландию. Наш путешественник предусмотрительно изучил расписание; лишь 4 января будущего года вернется «Стратхэрд» в Марсель.

У нашего путешественника есть в наличности ровно двадцать два французских франка и двадцать пять сантимов. Что этого нехватит на путешествие к антиподам, ясно каждому. Но завтра он получит деньги.

Завтрашний день оказывается скверным днем. Убийство, убийство короля, убийство министра, кричали заголовки газет, убийство, убийство,— шепчут повсюду. Вон мектеков, иностранцев!

На следующий день, перед уходом из гостиницы, нашему путешественнику приходится объяснять двум любознательным посетителям, почему он живет во Франции, каким образом он чехословак, знает ли он югославов и еще каких-нибудь подозрительных людей. Нет, не знает. Ему разрешают уйти. В Париже сущий ад, обыски, облава на политических эмигрантов, аресты, допросы.

В Комитете он узнает, что пока добыта только часть денег на дорогу, только на билеты Париж—Марсель и на пароход, но нет денег на железнодорожный билет до Мельбурна. — Но сегодня вечером наш друг Ульрих привезет вам остальные деньги на вокзал.

У Кука наш путешественник узнает, что виза все же нужна. — Возмутительно, — кричит он, — а вчера вы этого не знали? — И он скандалит до тех пор, пока из конторы не телефонируют в британское генеральное консульство: «Алло, говорит контора Кука, будьте любезны, тут вот у нас один господин, который вследствие нашей ошибки не достал визы в Австралию. Не можете ли вы быть так любезны и сейчас проставить ему визу, он уезжает сегодня вечером на юбилей».

На письменном столе генерального консула лежит проскрипционный список, наш путешественник прекрасно знает список. — Вы тот господин, о котором нам

говорил Кук? — спрашивает консул и ставит в паспорте печать:

Британский контроль паспортов	
Париж	
Дата 11.10 1935.	№ 51853
Виза для Австралии	
Подпись С. Е. КОЛИНСОН	
Действителен на любое число поездок в течение двенадцати месяцев со дня выдачи. Пребывание временное.	

Еще поход в библиотеку географического общества и возвращение оттуда с чемоданом, полным книг. На то время, пока наш путешественник будет вдали от Франции, библиотека осталась без литературы об Австралии.

Вечером Лионский вокзал. Друга Ульриха, который должен привезти деньги, еще нет. К счастью, нашего путешественника провожает некто, могущий дать взаймы тысячу франков, этого хватит на проезд от Фремантля до Мельбурна.

Друга Ульриха что-то не видно, и наш путешественник говорит: — А он ведь, обычно, такой исполнительный. В первый раз он подвел меня.

Но друг Ульрих здесь, он просто не знал, что на Марсель отправляются почти одновременно два поезда, он ждал на другой платформе и доложил на следующий день Комитету, что делегат не уехал. — А он ведь обычно такой исполнительный. В первый раз он подвел нас.

Друг Ульрих вскоре узнает, что он ошибся. Наш путешественник еще долго не узнает об этом.

* * *

Так как наш путешественник прибыл на пароход последним, его фамилии в списке пассажиров нет. Остальные, составляющие светское общество на борту, напечатаны в списке, а также — происхождение и цель путешествия. Жизнь упомянутого светского общества начинается каждое утро штурмом ванны и бритвенных чашек в умывальной.

Дамы проскальзывают в умывальную более или менее поспешно, в зависимости от того, что для них важнее — скрыть еще не накрашенное и ненапудренное лицо или показать пестрое шелковое кимоно. За

брэкфестом они одеты уже с других точек зрения: дамы, обладающие волосатыми или толстыми ногами, предпочитают длинные брюки с раструбами. Если кто из дам прыгает через веревочку, то это делается или из кокетства или чтобы похудеть, добродетельные вяжут джемперы или вышивают по шелку. Разгадывают кроссворды, и когда кто-нибудь с карандашиком в руках подходит к нашему путешественнику, то он отвечает: «Гейне» — еще до того, как ему задан вопрос — какой немецкий писатель состоит из пяти букв. Почтенные мужчины и женщины неукоснительно изучают список пассажиров, хотя в нем интересно только одно: что в нем может быть интересного? Но, вероятно, это — зависть, наш путешественник так думает из зависти, потому что он, прибыв на пароход последним, единственный, не попавший в список.

Сапог Аппенинского полуострова блестяще начищенный, и футбольный мяч Сицилии, который он подкидывает, кажется сделанным из блестящей хромовой кожи. Пароход проскальзывает между мячом и сапогом, словно между Сциллой и Харибдой; затасканное сравнение, но оно здесь на месте, ибо именно здесь эти чудовища выселились друг против друга.

Вечером по воскресеньям в салоне поют хоралы. «Чудно», — восклицают восхищенные дамы, когда священник объявляет, какой хорал сейчас будут петь. Затем они вихляются под звуки джаз-банды, доносящегося по радио из первого класса. Какая метаморфоза, — во время богослужения они были одеты скромно, весь день ходили они в распахнутом халате, в купальном костюме или в пижаме, а вечером длинное платье целомудренно прикрывает даже щиколотку, хотя каждый знает ногу до последнего волоска.

На борту судна тысяча двести четыре пассажира, среди них — архиепископ Бомбейский, лорд-епископ Мадрасский, много монахинь, едущих в Индию, и несколько высоких военных чинов. Было бы неуважением предположить, что они едут в каютах для туристов (за исключением монахинь). Команда судна состоит из четырехсот человек. Офицеры и матросы — англичане, англичане и стюарды, англичане — бои, исключительно красивые парнишки, как на подбор, от шестнадцати до восемнадцати лет; их белые лайковые перчатки, засуну-

тые под аксельбант, торчат как эполеты. Невероятно иссохшие индусы с «пюгри», то есть с тюрбанообразной коробкой на голове, босые, опоясанные лиловым шарфом, непрерывно моют и дряют палубу.

Радио сообщает последние известия: умер Пуанкарэ; кроаты у гроба короля Александра отказались от своей оппозиции; протестантская церковь противится имперскому епископу Мюллеру.

В Порт-Саиде «Стратхэрд» причаливает. Нищенство, детская проституция, торговля кантаридином и другими запрещенными в Европе возбуждающими средствами, фокусники. Через Суэцкий канал «Стратхэрд» выходит из пределов Европы.

Следующая стоянка: Порт-Суда, настоящая черная Африка, несмотря на современные бараки и британских солдат, число которых за последние недели сильно возросло, так как опасаются нападения Муссолини на Абиссинию. Ведь Красное море — это Балканский полуостров в жидком виде, очаг войны еще со времен Олима. В нем плавают красные морские водоросли, от них его воды и получили свое имя, не от крови, которая так часто здесь проливалась.

Во второй половине дня на судне детский праздник. Расфранченные малыши, бросая вокруг себя боязливые и робкие взгляды, семят в полонезе. Приз за самый оригинальный костюм получает мальчик в голубом, нарочно изорванном балахоне, с нашитыми на него пустыми спичечными коробками и обожженными спичками, которые уже нельзя зажигать¹. У него на шее висит надпись: «Британский трудящийся. Довольно бастовать». Разве он не заслужил первого приза за такой многообещающий девиз.

Без тени, без воды, без красок, без единого растения, Аден, расположенный в кратере и по склонам вулкана, кажется надгробием Каина. Из узких улочек города вырывается зной, струится над морскими волнами, он сильнее свежего дыхания воды.

На пассажирской палубе «Стратхэрда» стоит гнетущая жара, но внизу, четырьмя этажами ниже, в помещении для туристов, где люди живут по четыре человека в норе каюты, там внизу — ужасно. Поэтому туристы с подушкой под мышкой бродят

¹ Игра слов на английском языке. Strike — чиркать и strike — бастовать.

всю ночь в более высоких сферах; они пытаются заснуть то на палубе, в шэзлонге, то на паркетной курительной, но, по большей части, тщетно. Одежда непереносимо, даже тканевое.

Купальный костюм, в котором ходят весь день, и тот давит как шуба. Тем не менее, публика потеет над вопросом, как одеться на костюмированный бал для взрослых. Пожилая дама появляется в русском национальном костюме, на ее заплетенных в косы волосах — кокошник, жемчуга обрамляют пышную грудь. Тяжело ей все это тащить, но без труда нет и награды, и она получает ее, под вздохи оркестра «Волга, Волга».

Жара не мешает также и проявлениям любви. — Пойдемте — полюбуемся Южным Крестом — такова формула, которой какой-нибудь джентльмен предлагает своей партнерше уединиться в соответствующий ситуации уголок; и ведет ее на нижнюю палубу или в бельевую, где еще темнее и даже не видно Южного Креста. Но что за беда, Данте тоже никогда не видел этого созвездия и, все-же, поет о том, что оно светило ему во время его странствия из ночи, полной адских рож, в чистилище.

Утешься, читатель, из осиротелой страны, с пустынного севера, — пусть Южный Крест и великолепен, но не менее великолепно светила небесного свода над твоей головой.

Между Аденом и Бомбеем судно не делает остановки. Те, кто едет в Индию, готовятся к высадке, начинается глажение, укладывание, заполняются анкеты. Все, едущие в Океанию, смотрят на эту суету с пренебрежительной улыбкой. Они уже давно окрестили пассажиров, едущих всего только в Индию, «дачниками».

Свыше двух третей пассажиров высаживается в Бомбее, цветная прислуга сменяется, ее место занимают другие индусы. Пассажирам, едущим дальше, дается день, чтобы сойти на берег, нет, даже полдня, еще меньше: девять часов. Но освещение таково, что можно делать снимки до позднего вечера и увезти домой вещественные доказательства и на их основании высказывать потом всю жизнь категорические суждения об Индии и ее населении.

После Бомбея судно приобретает другой вид. Исчезли дамы, постоянно меняющие туалеты, исчезли щеголи, исчезли смокинги.

Новые пассажиры, по большей части австралийцы, ведут себя непринужденно, разговаривают еще непринужденнее, запивают чаем каждое блюдо, даже суп, предупредительны, держатся по-товарищески. Группа грозного вида великанов привезла в Индию для армии австралийских пони, лошадки будут учиться играть в поло и возить пушки. Без пони и без пенни возвращаются они на родину, а те из них, кто не оставил всего своего заработка в кабаках Калькутты, пропивают их теперь в баре курительной.

Пассажиры, не стесняясь, разгуливают без пиджаков, с помочами и без помочей и даже без пояса. В тех редких случаях, когда они надевают костюм, он украшен значком «Анцак'а». Нетрудно догадаться, что «Анцак» состоит из начальных букв: «Australien and New Zealand Army Corps»¹; Анцаки сражались во время мировой войны в Галлиполи и, позднее, в Уайперсе.

А что такое Уайперс? Уайперс находится в Бельгии, отвечают они, там якобы происходили крупнейшие бои. «Уайперс», продолжает размышлять наш путешественник и ночью, в своей каюте. Уайперс. И не может заснуть. Ему не приходит в голову, что они разумеют Ипр.

Кроме австралийцев и четырех упомянутых итальянцев, на судне еще двадцать темнокожих, это тамилы с Цейлона. Робко жмутся они друг к другу, держатся в стороне от остальных. До конца октября они работали на чайных плантациях Индийского материка, тем временем, индусы с материка собирали на острове Цейлоне чай, потому что приезжих всегда легче эксплуатировать, чем местных жителей.

Наш путешественник сидит в читальне и готовит свой доклад для Конгресса, излагая на его величества английском языке проблемы войны и фашизма, строя фразы из тех слов, которыми он располагает. Эта зависимость и ограниченность способов выражения очень его стесняют. Он охотно бы обогатил свои познания английского языка, но теперь вокруг него говорят только по-австралийски. Он узнает:

Что перед каждым существительным и каждым глаголом, а также прилагательным

¹ Австралийский и Ново-Зеландский корпус (англ.).

надо вставлять слово «bloody» («кровавый»).

Что стул может быть назван ублюдком, а плохое пиво «доброй короной».

Что мужчину называют «bloke».

Что англичанин есть по-настоящему «Инглишмен», а настоящий австралиец называется «Динки-дай-Ауси».

Что разговор заканчивают словом — «Goodo» (Всего хорошего).

Он готовит доклад, особенно не обогатив своих лексических возможностей и, поэтому, без особого писательского удовлетворения. Вероятно, думает он, и без того напрасная работа, вероятно портовые чиновники конфискуют рукопись и обвинят автора в оскорблении главы какого-нибудь государства. Поэтому в рукописи он обозначает «кровавого bloke'a» только начальной буквой его фамилии, потом зачеркивает даже «Г» и ставит вместо него Икс. Но кого, думает он, кого я этим обману? Кого еще кроме «Г» можно иметь в виду, говоря о «кровавом bloke'e»?

Судно скользит вдоль западной стороны индостанского треугольника. Вечерами, после десяти часов, когда убрано со стола и наведена чистота, подающие к столу стюарды, как они ни устали и как ни смутен в сумерках берег, все же стоят на палубе и бросают взгляд на него, словно причалом цепляясь за свою темную родину.

Наш путешественник вступает с одним из них в разговор. Парень боязливо оглядывается, хотя он португальский подданный, его родной язык — португальский, и он католик, все же никто не должен застигнуть его разговаривающим с европейцем. Его голос понижается до шопота:

— Нет ли у вас случайно португальской книги, я так люблю читать.— Он посещал миссионерскую школу, рассказывает парень, с какой охотой он стал бы учиться, но нехватает денег, в Гоа очень голодно.— Вы бы не поверили, как там голодно.

— Нет, верю, милый стюард, голода во всем мире много; какую нужду видели мы неделю назад на улицах Бомбея.

— Конечно,—говорит гоанец,—конечно. Но ведь мы, все же христиане, мы бы не должны голодать как индусы.— Гордо указывает он на четырехугольную гору:— Вон там похоронен святой Франциск Ксаверий, мой патрон.

Так как наш путешественник желал бы

узнать насчет могилы поподробнее, то этот индусский христианин с грустью признается, что от святого осталось немного, каждый христианский корабль увозил с собой кусочек реликвии.

Чего ж тогда ждать живым, которые даже и не святые?

Молодой гоанец кивает головой и смотрит вдаль на полоску родины, у которой все отнято, даже останки святого.

В двойном свете двух утренних солнц, из которых одно бросает вверх свои лучи со дна моря, появляется малабарский берег. Вероятно совершенно так же освещали два солнца берег и воды, когда индусы увидели здесь впервые людей с белой кожей.

Вождь белых людей назывался Васко де Гама, был 1498 год нашей эры, ветер пригнал Васко де Гама сюда от Мыса Доброй Надежды, он высадился в Калькутте, его приняли ласково и при отъезде осыпали подарками. Поэтому он вернулся, чтобы поработить гостеприимных хозяев.

«Стратхэрд» все еще идет параллельно к одной из сторон треугольника; поверхность треугольника изрезана границами. Один штат называется Кохин, там свирепствует элифантiazис и превращает обитателей в бесформенные опухоли. Другой штат называется Травенкор, его почтовые марки, прежде всего темнозеленые с четверным «Шукрамом», знает каждый европейский филателист и дорожит ими, но почти никто не знает и не дорожит четвермя с половиной миллионами населения, делящегося на четыреста каст, не считая черных евреев, происхождение которых еще темнее, чем они сами.

Между скалистыми хребтами Аллепи вдвинуты фабрики для производства кокосового масла и кокосовых цыновок. Почему так высоки трубы? Не потому ли, что не хотят закоптить воздух между скалами и морем? Или владелец фабрик в Аллепи хочет показать судам, что он может вознести свою трубу так же высоко, как любой фабрикант в Европе?

Возле мыса Комарин «Стратхэрд», наконец, касается вершины индостанского треугольника. Затем следует Коломбо, где можно сойти на берег, затем переезжаем через экватор, и теперь — довольно географии.

«Стратхэрд» больше нигде не пристанет, пока не достигнет Австралии. Едущие туда

должны перед высадкой заполнить анкеты, столбцы и рубрики перекрещиваются, среди них — коварные вопросы о цели поездки, располагаете ли вы суммой в 40 фунтов стерлингов, имена ваших знакомых или родственников в Австралии, каковы ваши политические убеждения и тому подобное.

В отношении нашего путешественника о 40 фунтах не может быть и речи, но он надеется, что для пассажиров с обратными билетами это не обязательно. Нет у него также в Австралии ни знакомых, ни родственников, но он надеется, что для приехавших в Мельбурн на юбилей это не обязательно.

В австралийских газетах, купленных им в Коломбо, он не нашел ни слова об Антивоенном конгрессе, он даже не знает, в каком помещении будет происходить конгресс. А что если друзья не знают, что делегат, приехавший на «Стратхэрде» сойдет в Фремантле и поедет оттуда поездом в Мельбурн? А что если они приедут на вокзал и не узнают его?

Мы, незримые наблюдатели, могли бы сказать ему в ответ: ты не сойдешь на берег в Фремантле, следовательно, не поедешь и поездом в Мельбурн. Тебя ждет совсем другая судьба, радуйся пока своей возможностью передвигаться. Но мы ничего не откроем.

Вооруженные камерами теснятся пассажиры на палубе, чтобы заснять труп «Эмдена». «Эмден» означает для австралийцев почти то же, что Галлиполи и «Уайперс», ибо это их крейсер «Сидней» положил конец разбойничьим набегам немецкого военного корабля. Тут же, где погиб «Эмден», он и лежит, на 12 градуса южной широты, на 97 градуса западной долготы; у края поросшего кокосовыми пальмами рифа, видны его косые мачты; хотя мы и не хотели больше говорить о географии, все же об истории этого архипелага, возле которого погиб «Эмден», мы умолчать не можем, настолько она романтична.

Капитан Килинг из Ост-Индской компании открыл в 1608 г. эту группу островов и назвал ее «Кокос-Айлэндс». Название дало повод к недоразумениям. Приезжало слишком много искателей приключений, обращавшихся к туземцам с вопросом: «Скажите, пожалуйста, где здесь зарыто сказочное сокровище пирата Моргана?..»

Когда же они узнавали, что Кокосовые острова Моргановской пиратской шайки находятся совсем в другом месте, а именно — в Караибском море, то приехавших охватывала ярость, и их даже нельзя за это винить, ибо кому же охота ехать зря в такую даль. Поэтому острова «Кокос-Айлэндс» теперь называются еще дополнительно по имени открывшего их: «Килинг».

После этого Килинг на острова, в течение двух столетий, не ступала нога белого человека. Только в 1825 году здесь проезжал некий капитан Клуи Росс, место ему понравилось и он, два года спустя, вернулся с женой, ребенком, тещей и восемью матросами-шотландцами, чтобы основать империю, маленькую да свою. Каково же было удивление прибывших: там уже сидел кто-то. Его звали Александр Хор, это был потерпевший крушение англичанин, и он вел уютную семейную жизнь, имея в своем распоряжении для данной цели сорок малайских жен. Когда прибыли новые поселенцы, дело быстро окончилось изгнанием Александра Хора из рая, каждый шотландец изъял по пяти жен из гарема Хора, капитан Росс стал наследственным владыкой острова, и его потомкам до сих пор еще принадлежит архипелаг, хотя он и управляет из Сингапура как принадлежащий Англии. На Килинг-Айлэндс живут двадцать чиновников морского телеграфа и у каждого не больше одной жены, вот как за одно столетие все здесь оскудело.

Остров «Эмдена» остается позади, рассеиваются грезы, пробужденные историей о брачной идиллии европейца с сорока малайками, и «Стратхэрд» приближается к австралийскому континенту и его празднеству. Уже около полутора столетий населена Австралия белыми, но филиал на берегу Порт-Филиппа, выросший в город Мельбурн с миллионным населением и в штат Виктория, существует всего сто лет, день в день сто лет.

Гостей к юбилею привозит не только «Стратхэрд». На военном судне едет герцог Глостер, сын английского короля Георга V; едет Джон Мейнсфилд, которому выпало на долю многовековое почетное звание поэта-лауреата при английском дворе; едет сэр Морис Хэнкей, глава британского Комитета защиты, чтобы связаться и с этой частью Британской империи, там до сих пор еще нет всеобщей воинской повинно-

сти; едет и сэр Баден-Пауэль, чтобы навести своих бой-скаутов на путь будущих героических смертей; и едет фельдмаршал, лорд Мильн, на которого возложена обязанность организовать гражданское население в военное время; и едет сэр Джон Кэдман, снабжающий всю армию бензином; и едет оркестр британских гренадеров.

По воздуху тоже спешат гости и они возбуждают наибольший интерес; каждое утро пассажиры набрасываются на радиogramмы, поглощают известия о назначениях, приготовлениях и наградах. Сегодня есть подробности рекордного полета: в два дня, 13 часов 57 минут Блэк и Скотт совершили перелет из Лондона в Австралию.

Два дня, 13 часов, 57 минут осталось еще нашему путешественнику до Австралии, а из Европы он отбыл уже месяц назад. Его доклад для конгресса написан, австралийская карманная библиотека почти вся пересмотрена и изучена. В первом официальном труде об Австралийском Союзе Берн Р. Визе, наш путешественник наткнулся на своеобразный закон, в силу которого приезжего можно не впускать в страну, не запрещая ему въезда, и вынести ему приговор, хотя он ни в чем не провинился.

«Огонь, огонь» — охотно крикнули бы мы нашему путешественнику, когда он дошел в книге Визе до этого места: «Огонь, огонь», как кричат во время детской игры, чтобы привлечь внимание ищущего, когда он находится близко от спрятанного предмета.

Согласно этому закону каждый, при посадке, должен быть подвергнут испытанию по диктанту на каком-либо европейском языке; наш путешественник прочел, что социалисты и другие прогрессисты боролись с проектом этого закона, так как он давал правительству повод не впускать в страну своих политических врагов.

Дойдя до этого места, наш путешественник кивнул, очевидно, присоединяясь к опасениям радикалов. Однако, при дальнейшем чтении, он узнал, что возражения против этого закона были нелогичны и смешны:

«Тем не менее и не взирая на решительное обещание правительства, оппоненты продолжали утверждать, что с помощью этого закона любой белый может быть не впущен в страну и им удалось широко распространить этот неблагоприятный вы-

мысел. В действительности, обещание, данное правительством парламенту, было точнейшим образом выполнено, и, со дня издания закона и по сейчас (1908), ни одно лицо, принадлежащее к белой расе, не подвергалось упомянутому испытанию и никогда ни одному белому въезд в союз не был запрещен под этим предлогом». (Разрядка Берн Р. Визе).

Наш путешественник, сначала вознамерившийся ознакомить Европу с текстом столь странного закона, отказался от своего намерения, прочтя черным по белому, что закон не применялся. Он зачеркнул сделанную им выписку, но вдруг, в новейшем исследовании, последнем из прочитанных им, наткнулся на следующее: экзамену по диктанту подвергались белые, правда лишь нищие, умалишенные, больные, проститутки и преступники. Одного мошенника из Греции тоже подвергли экзамену, и, чтобы он провалился наверняка, продиктовали положенные пятьдесят слов на гальском языке. Занятная подробность, подумал наш путешественник и занес в свою записную книжку: *gaili test*. Этими двумя словами завершились выписки, сделанные им на судне.

Ночь перед Фремантлем, гавани западно-австралийской столицы Перта, ночь с 5-го на 6-е ноября, он провел без сна. Утром баркас привез почту, для нашего путешественника было письмо и две телеграммы из Австралии. Письмо было прислано скорее для предъявления, чем для каких-либо сообщений; отправитель, мельбурнский коммерсант и налогоплательщик писал, что сим обязуется внести деньги при посадке, если таковые понадобятся.

Что касается телеграмм, то одна из них приветствовала нашего путешественника от имени Всеавстралийского комитета борьбы с войной и фашизмом, а другая — от организации мельбурнских журналистов — приглашала его прочесть 12 ноября доклад о положении в европейской прессе.

В салоне первого класса происходит проверка паспортов. Наш путешественник идет туда и ему говорят, что в первую очередь, отпустят британских подданных. Без этого он никогда бы не получил возможности ознакомиться с миром первого класса, куда

до сих пор доступ ему был запрещен. Еще накануне он наверно использовал бы эту возможность, но сегодня он предпочитает устремить свой взор на столь желанный берег. Он смотрит на него, видит штабели дров, какой-то памятник, странные белоствольные деревья, может быть, это и есть австралийские каучуковые деревья, склады, гостиницы и...

Что означают телеграммы, думает он, что означает письмо? Почему комитет так спешит с приветствием, почему привлекает внимание к делегату, почему журналисты телеграфируют приглашение, почему мельбурнский коммерсант предлагает свое ручательство?

Ну, пока наш путешественник смотрит на берег, чтобы на всякий случай запомнить его, многочисленные штабели дров, какой-то памятник, странные белоствольные деревья, может быть, это и есть австралийские каучуковые деревья? склады, гостиницы и...

Но вот появляются двое представительных строгих мужчин, они пересекают палубу, идут прямо к нашему путешественнику.

— Are you mister Kisch? ¹.

* * *

Они ведут его к таможенному чиновнику, который именем правительства Австралийского союза объявляет: въезд воспрещен. Всякая попытка это запрещение переступить и на берег — вступить повлечет за собой тяжелую кару. А паспорт остается в руках властей.

Затем таможенный чиновник приступает к осмотру находящегося в каюте чемодана нашего путешественника. Отверженный протестует: или запрещение въезда или осмотр багажа — оба удовольствия государство не может себе разрешить. Смущенно бормочет чиновник, что он имеет инструкции, правда, он примет протест к сведению, но осмотр продолжается.

При поддержке двух решительных и неустрашимых австралийских шерлок-холмсов производится тщательнейший обыск; они развертывают каждый носовой платок, листают каждую книгу, со знанием дела выстукивают стенки чемодана, ощупывают тюбик с зубной пастой.

¹ — Вы мистер Киш? (англ.).

— Бомб здесь нет, — говорит наш путешественник, однако это замечание не вызывает ни улыбки, ни ответа. Seriously продолжают трое людей свое дело, проходит около получаса, в течение которого наш путешественник размышляет о предстоящей ему участи.

Его могут отвезти на первый пароход, возвращающийся в Европу, это, пожалуй, худший вариант. Его могут изолировать на «Стратхэрде». В таком случае его австралийские друзья могут вообще не узнать, приехал ли он, сошел ли на берег и где находится; таков другой и тоже скверный вариант. Но если чиновники не сумеют скрыть его приезд и запрещение высадки, если наш путешественник сумеет связаться с друзьями, то вовсе еще не все потеряно.

Тем временем, таможенные чиновники продолжают обследовать и выстукивать чемоданчик. Наконец, они захлопывают крышку и начальник заявляет еще решительнее: всякая попытка вступить на австралийский берег повлечет за собой суровую кару.

Наш путешественник провожает их до дверей своей каюты. В конце коридора он видит группу людей, повидимому ожидающих конца официальной процедуры. Это не сыщики, сыщики обычно не бывают такими молодыми парнями, с такими развязными манерами, сыщики редко носят на животе фото-аппарат; перед ним представители сословия, которое могло бы помочь ему выкарабкаться из этой истории.

— Вы — bloke'i из прессы, не правда ли? Поднимем-ка в курительную, и там можно storg mixen. Они смеются, потому что он назвал их «bloke'ами», значит говорит по-австралийски, что он сказал «storg mixen», значит ему знаком газетный жаргон, и когда они усаживаются в курительной, они уже коллеги. Однако, их первый вопрос, это, все же вопрос об убеждениях. — Вы коммунист?

— Превосходно, — отвечает наш путешественник, — это превосходно, что мне прежде всего поставлен вопрос о моей партийной принадлежности, поэтому я могу сразу же заявить, что не хочу ни опираться на свою принадлежность к какой-либо политической партии, ни, подчеркивая свою непартийность, от какой-либо партии отмежеваться. Я приехал сюда как антифашист

и воинствующий противник войны, в движении против войны и фашизма участвуют представители всех прогрессивных партий, а также миллионы коммунистов, целый ряд великих писателей и ученых, Анри Барбюс, Ромэн Роллан и другие.

— И вы хотите у нас агитировать против Германии?

— За Германию против наци, завладевших ею, против германского фашизма, так как он угрожает делу мира по всей земле.

— Вы говорите это из политических соображений, не правда ли? Вы же сами знаете, что гитлеровский режим вполне соответствует характеру немцев. Если хотите, мы не упомянем о том, что задали вам этот вопрос.

— Наоборот, я здесь для того, чтобы опровергать утверждение, будто германский народ хочет войны; чтобы рассказать, как всех тех, кто сидел вместе со мной в тюрьме, нельзя было принудить к фашизму даже подвергая их зверским пыткам; чтобы рассказать о борьбе и подпольной работе в Германии, проводимой среди невероятных опасностей. Едва ли стал бы другой народ бороться против кровавой тирании с таким самоотвержением, как борются подпольщики в Германии.

Они записывают.

— Так. А теперь давайте разделим материал, чтобы вы друг с другом не конкурировали. Вам я расскажу о военной опасности по ту сторону Суэцкого канала, вам — о терроре наци, вам — о нашей деятельности, а вы, господин коллега из иллюстрированного журнала, получите несколько анекдотов из моей репортерской практики. Тогда у каждого будет его доля, его собственная заметка, о-кей?

— О-кей.

Затем наш путешественник составляет телеграмму в столицу Союза Канберра на имя правительства, в которой выражает свое горестное изумление по поводу столь неприветливого приема, и просит о ликвидации очевидного недоразумения. Журналисты записывают текст телеграммы.

Пассажиры «Стратхэрда» сошли на берег, чтобы провести день в Перте. На судне остались представительные детективы, соблюдающие три шага расстояния от нашего путешественника.

С завистью смотрит он на широкую до-

рогу, бегущую на восток от Фремантля. В конце этой дороги, невидимая глазу, лежит Перта—большой город, вероятно теперь по ее улицам, среди австралийских дворцов и австралийской жизни, разгуливают пассажиры со «Стратхэрда», обедают в австралийских ресторанах, покупают австралийские товары, а около трех часов им навстречу метнутся газеты и на первой странице они увидят портрет человека, с которым провели последние недели, даже не подозревая о том, насколько он опасен.

Берлинцы в более выгодном положении. Они еще до обеда узнают со всеми подробностями о судьбе нашего путешественника, они читают о постигшей его неприятности в тот же час, когда она произошла в западной Австралии, причем следует, однако, отметить, что тот же час на 120 градусах восточной долготы, наступает на девять часов раньше, чем в средней Европе. В Веддинге и в Нейкельне, на Потцдаммер Платц и перед Гедэхнискирхе газетчики уже кричат... Не пускают в Австралию! Неистовый репортер возмущен. Ночной выпуск!..

Мы (наблюдатели) переносимся туда астральным телом из Австралии и покупаем у газетчика, драматически выкрикивающего на берлинской улице слово «возмущен», очередной номер газеты.

«Лондон, 7 ноября. Согласно сообщению агентства Рейтер из Канберра (Австралия) «эмигранту» Эгону Эрвину Кишу, который должен был выступить на австралийском континенте в качестве делегата от Всемирного комитета борьбы с войной, властями отказано в разрешении на в'езд. Как причина приводится то, что Киш, с тех пор как он покинул Германию открыто ведет коммунистическую пропаганду. В ответ Киш послал министерству внутренних дел в Канберре возмущенную телеграмму, в которой протестует против подобного отношения к писателю «международного значения».

Были пущены в ход самые крупные буквы, имевшиеся в распоряжении Шерлской типографии, заголовок был подчеркнут дорогой стоящей красной чертой, текст набран жирно и в разрядку, однако, всего этого нехватило, чтобы заполнить первую страницу.

Поэтому пригласили некоего редактора, подозреваемого в былых сношениях с героем, столь возмущенным Австралией и принудили его добавить к сообщению ядовитую глоссу.

Так же молниеносно, как бежала с этой вестью информация агентства Рейтер в Европу, бежит она обратно в Австралию, чтобы рассказать здесь, что говорится по этому поводу там... «Отказ, полученный им теперь в Австралии, служит радостным подтверждением того, что понимание истинной сущности немецких эмигрантов распространяется все шире и шире...» Эти и подобные высказывания удовлетворения со стороны министерства пропаганды слово в слово переданы в тот же вечер редакциям Сиднея и Мельбурна, и как же не напечатать их под общим заголовком: «Единодушное одобрение в Берлине»? Английская пресса, сообщает агентство Рейтер, ограничивается перепечаткой сообщения, только «Манчестер Гардиан» находит запрещение высадки «мелочным и роняющим престиж государства».

Обогнув мыс Лэуина, югозападной оконечности материка, вдоль южного австралийского побережья, несет «Стратхэрд» нашего путешественника по бурным водам залива.

Радиограмма из Мельбурна:

«Правда ли утверждение правительства вам запрещен въезд английскую территорию знак вопроса радируйте немедленно точка комитет».

Что может ответить наш путешественник своим друзьям на этот вопрос, после того, как притворился изумленным, что его не пускают на берег? Он дает ответную радиограмму, что утверждение, будто Англия не принимает его, просто смешно. В прошлом году он делал доклад в лондонских Эссекс-холле и Кингсуэй-холле, в президиуме были лорд Марлей, сэр Бертран Рассель и лэди Деспар, сестра маршала Френча. Лишь когда он после лейпцигского процесса о поджоге Рейхстага поехал на лондонский контр-процесс, то по настоянию германского посольства его, как и многих иностранных свидетелей, на английский берег не пустили, но совершенно ясно, что это относилось лишь к данному случаю.

Радиограмма стоит восемнадцать шиллингов и он оплачивает ее из денег, пред-

назначенных для железнодорожной поездки через континент.

Проходит пятнадцать часов, прежде чем телеграмма попадает в руки адресата, министерство обсудило ее, прежде чем ее доставили. Этого отправитель, конечно, не знает. Не знает он также, что еще один, прибывший из-за моря делегат на антивоенный конгресс, тоже не поедет в Мельбурн — делегат из Новой Зеландии. Наш путешественник еще никогда не слышал его имени, но они едут друг другу навстречу, первый едет на восток, второй — Джеральд Гриффин — на запад.

Кроме того, наш путешественник, скользящий вдоль материка, еще не знает, какое там растет недовольство. Для народных масс столетний юбилей вовсе не радостный праздник. Почетным гостям готовят изысканные банкеты и балы, предполагается награждение орденами, возводятся дорогие постройки, но разве теперь время для таких вещей?

Из всех официальных начинаний интерес вызвало только международное лётное состязание на 1900 километров, Лондон — Мельбурн; интерес всеобщий, лихорадочный. Но ход этого состязания бросает яркий свет на предшествующие, закулисные махинации.

Джойс Ментон, доцентка Мельбурнского университета, в своей брошюре «Столетний юбилей является подготовкой к войне», вскрывает на основании документального материала империалистический смысл этой прелюдии: итальянский самолет и американский самолет «Бэлланка» не были допущены к участию в состязании, летчика-чемпиона Кингсфирта Смитта и его американскую машину не допустили до старта, хотя его финансировал организатор состязания, австралийский шоколадный король Макферсон Робертсон, другим аэропланам чинили препятствия и они вынуждены были лететь окружным путем. Победили два англичанина, Скотт и Блэк, как того хотели всячески подстраивающие победу чиновники из военно-авиационного ведомства.

Комитет по организации юбилея находится под военным руководством, большинство официальных гостей — военные, флотилия гидропланов из Ирака прибыла — отнюдь не ради спортивных целей и оркестр шотландских гренадеров — не ради

музыкальных. Все это слишком открытая пропаганда вооружения и милитаризации, чтобы она могла понравиться австралийским трудящимся.

Не многие государства потеряли в мировую войну такой большой процент своего населения, как Австралия; долги, сделанные Австралией для экипировки и оплаты посланных в Европу войск, являются до сих пор труднейшей финансовой проблемой. Некогда столь богатая страна извивается в судорогах кризиса, безработица относительно выше, чем где-либо в мире. А тут возводят памятник павшему воину, священную раку Мельбурна, небывалой пышности. Он стоит миллион фунтов, несмотря на то, что его тесали и высекали в течение ряда лет, главным образом, безработные, отрабатывая еженедельное пособие в двенадцать шиллингов. Строят трибуны и задают пиршества для гостей, которые собираются ввести в Австралии всеобщую воинскую повинность и милитаризацию молодежи, а противник войны считается нежеланным гостем и ему запрещают высадку.

Собрания, протесты по адресу правительства, запросы в парламенте, летучки, демонстрации. Лейбористская партия, которой еще недавно принадлежала власть в Союзе и в большинстве союзных штатов, теперь стоит в резкой оппозиции к теперешнему правительству. Она заявляет, на основании резолюций местных групп и союзов молодежи, что запрещение высадки является нарушением законов гостеприимства, опекой над рабочими, подготовкой фашизма.

В Мельбурне был образован комитет для встречи делегата на конгресс, после запрещения высадки он превратился в комитет защиты, по всей стране возникают местные отделения. Профсоюзы клеймят мероприятия правительства. Писатели протестуют против произвола в отношении к их европейскому коллеге; Катарина Сюзанна Причард, Ванс Пальмер, Жана Девани, Джи. М. Харкур, Том Фицджеральд, Э. Дж. Брэди, Бартлет Адамсон, Бернанд Кронин, Дорджиа Риверс и Макс Мельдрэм, величайший австралийский художник; профессора университета Уолтер Мэрдох, Бислей, Гринвуд и Макмагон Балл называют изгнание гостя оскорблением австралийского народа; Ф. Александер, председатель австралийской секции Лиги наций, употре-

ляет еще более резкие выражения; а один епископ, некий Э. Х. Бурманн посылает комитету выражение сочувствия.

Холодно и насмешливо смотрит мистер Мензейс, государственный генеральный прокурор и министр, как бушует эта буря у его ног. Правда, не он инициатор запрещения, отвечает он в парламенте на первый же запрос, это было постановлено прежним правительством, но он проведет постановление в жизнь. Высадка этого человека была запрещена министерством внутренних дел и точка, заявляет он и добавляет, что «нога делегата не ступит на территорию Австралийского союза».

Мельбурнский комитет борьбы с войной и фашизмом уличает его во лжи, хотя бы относительно того, что запрещение — дело рук прежнего министерства. Теперешнее правительство существует с августа, тогда еще не было речи ни о каком австралийском антивоенном конгрессе и лишь 12 октября комитет узнал, что из Европы приедет делегат. Как могло правительство знать об этом за много месяцев вперед?

На запрос по этому поводу Мензейс отвечает, что если теперешний кабинет министров запретил высадку, то это произошло в его отсутствие. Но это решительно ничего не меняет в том факте, что «нога делегата не ступит на территорию Австралийского союза». И точка.

И министру почты и телеграфа Мак Лаклану сделан запрос в парламенте. Каким образом — радиограмма, протестующая против постановления правительства, сданная на «Стратхэрде» в семь часов пять минут вечера, за Фремантлем, и обсуждавшаяся в тот же вечер Кабинетом, была доставлена адресату (Мельбурнскому комитету борьбы с войной и фашизмом), лишь на другой день в половине одиннадцатого? Министр Мак-Лаклан отвечает, что австралийская почта пропускает ежедневно сто тысяч телеграмм, поэтому, даже при величайшей тщательности, нельзя избежать случайных опозданий.

Неделю назад организаторы Антивоенного конгресса дали в печать заметку о предстоящем приезде делегата из Европы и о том, почему делегирование нашего путешественника в Австралию имеет особое значение (говоря между нами: нелегкая задача, ибо они почти ничего о нем не знали, а если бы даже они знали все, то

и из этого нельзя было бы выкроить славного жизненного поприща). По причинам скудности этой биографии или потому, что правительство, среди патриотического шума, не хотело придавать особую гласность Конгрессу левых радикалов,— во всяком случае, большинство газет отказались печатать эту заметку. Особенно мистер Б. Х., известный не только как король прессы в Новом Южном Уэльсе, но и как воинствующий патриот и страж нравственности и благочестия, не допускал на страницы своих газет упоминание о Конгрессе и делегатах.

Однажды вечером мистер Б. Х., в лоск пьяный, брел пошатываясь по узким улицам Лейхардского района, приставал к проходившим женщинам, ревел «К дьяволу деву Марию» и аналогичные пожелания. Между прочим он распахнул дверь одной парикмахерской, стал громогласно оспаривать законное рождение римского папы и потребовал еще громогласней, чтобы чорт побрал его (папу).

Это богохульство вызвало гнев одного из туземцев. Ведь, его предков выманили католицизмом из первобытных лесов и плели им о боге в небе и его наместнике на земле до тех пор, пока они это начальство признали, поплатившись своей вольной жизнью, жизнью полной блаженства, где их кровом был лес и их солнцем — луна. Как же мог внук стерпеть, чтобы святого отца, купленного столь дорогой ценой, теперь позорили, желали ему вечного проклятия? Чернокожий отнесся к делу весьма серьезно, в ярости бросился он на богохульника.

В эту минуту мимо проходил один антифашистский писатель, которому всего несколько дней назад мистер Б. Х. отказал в напечатании предварительной заметки о Конгрессе. Он схватил богоборца за черную руку, он впихнул богохульника, который, что-то бормоча, валялся на мостовой, в автомобиль. Ни одна гостиница не хотела впускать этот алкогольный труп, и молодой писатель отвез его, в конце концов, к себе на квартиру. Он снял с мистера Б. Х. башмаки, задвинул их под кровать, чтобы тот при своем воскресении не споткнулся об них, и лег спать в соседней комнате. Когда добрый самаритянин около полудня проснулся, его гостя уже не было, — только башмаки все еще стояли под кроватью. (Как выяснилось позднее,

мистер Б. Х., проснувшись, увидел на стене репродукцию тициановой Венеры, заключил на этом основании, что он в борделе и как можно скорее смылся).

Писатель поспешил за ним в редакцию и предложил заметку: вчера вечером, в Лейхардте, известное в Сиднее лицо, пожелал испытать чернокожего и узнать не является ли его христианство только миссионерской закраской, и был настолько тронут благочестивым гневом черного, что подарил ему свои башмаки.

И без того бледный мистер Б. Х. бледнел все больше и больше, выслушивая этот достойный хрестоматии рассказ, а затем и его фактическую основу. Наконец, он торжественно заявил: — Молодой человек, вы спасли мою жизнь, мою честь и честь моей семьи. За это я согласен напечатать вашу проклятую заметку о вашем проклятом делегате. Таким образом, мы будем квиты.

Квиты? Всего несколько дней спустя (это было, правда, уже после мельбурнских событий, о которых читатель узнает позднее) жертва, принесенная газетным королем, напечатавшим заметку, оказалась отнюдь не жертвой и его былой спаситель был однажды разбужен послом от мистера Б. Х. с предложением немедленно написать все, что ему еще известно о делегате, чем больше, тем лучше, по шиллингу за строчку.

Но писатель не знал ничего, никто в Австралии ничего не знал. Только немецкий фермер в Гипслэнде, подписчик газеты «Дас нейе тагебух», нашел там рецензию на книгу нашего путешественника, названную им «Вход воспрещен»; в связи с последними событиями заглавие показалось ему забавным, и он сообщил о нем в мельбурнскую газету. Как ветер понесся самый быстроходный редакционный автомобиль в Гипслэндеровскую Роццу, документ был заснят, переведен и снабженный заголовком — «Вход воспрещается» — пророческое заглавие — появился на следующий же день. К сожалению, в рецензии имелся некоторый пробел, в ней содержался намек на прозвище автора книги, — но что это прозвище — «Неистовый репортер» — там сказано не было, и редактор написал, что отвергнутого гостя зовут в Европе «Вестником мира».

Большинство газет за неимением другого подходящего материала удовольствова-

лось тем, что напечатало статьи о Чехословакии, о мученике Гусе, о композиторе Сметане, президенте Массарике. Несколько ближе к теме оказались реминисценции одного читателя, относительно того, что наш путешественник — не первый чехословак, которому въезд воспрещен. Тридцать лет назад чешская певица Эмми Дестин должна была совершить концертное турне по Австралии, но певица Мельба, «австралийский соловей», оказав давление на концертную агентуру, этому воспрепятствовала, уплатив из собственного кармана неустойку в 1500 фунтов. 1500 фунтов — не шутка, даже для такой Мельба, и мы просим наших читателей запомнить эту цифру, ибо Гегель где-то замечает, что все великие исторические события и личности повторяются, а Карл Маркс к этому прибавляет: «один раз — в виде трагедии, другой раз — в виде фарса».

Тем временем наш путешественник продолжает плыть вдоль бурлящего материка. Его положение на судне существенно изменилось, хотя и не улучшилось. Для тех, кому до сих пор он казался подозрительным лишь в связи с убийством Александра и Барту, он теперь — иностранный агент, который хочет поднять бунт в Австралии. Матери запрещают детям играть с ним и его ежедневные партнеры по бросанию свернутых канатов начинают партии, увя, без него.

Увы, и для других он стал интересен.

Квинслэндский торговец шерстью, возвращающийся в Англию после бракоразводного процесса, разъясняет нашему путешественнику на данных налогового обложения, как австралийское правительство разоряет своих граждан. Маклер по продаже земельных участков из Порт-Дарвина посвящает его в весьма сложный проект: Австралия должна взять в свои руки жемчужные промыслы у северного побережья (имеются в виду руки автора проекта) вместо того, чтобы отдавать их японцам. «Нас постоянно уверяют, что Япония хочет покорить Австралию, чтобы мы давали деньги на военные нужды, и, в то же время японцам уступают все наше хозяйство и разрешают эксплуатировать наши моря. Но эти искатели жемчуга все до одного — японские шпионы, — я знаком с ними лично и могу доказать. Однако правительство не желает меня слушать».

Представитель индусских бой-скаутов,

пятнадцатилетний парс едет на «Джамбори», на всемирный съезд в Мельбурне. Узнав, что наш путешественник — писатель, он просит составить для него речь о том, что индусская молодежь во всякую минуту готова сражаться и умереть за Британскую империю.

Щуплый делец, возвращающийся в Аделаиду из Индии, где он пытался найти акционеров для эксплуатации золотых приисков и у которого в кармане кусочки золота, предлагает нашему путешественнику, нет не золото, но пару акций будущих золотых разработок. В ответ он просит только, чтобы наш путешественник написал книгу об этом многообещающем предприятии или как-нибудь иначе завербовал обладающих капиталом пайщиков.

Плоской дугой врезается австралийский залив в южный берег. Эта часть пути самая бурная; волны встают угрожающей стеной, то параллельно судну, то наперерез ему. Пассажира бросает к перилам, но когда он, наконец, достигнув их, готов отдаться на милость или немилость морской болезни, его в решительную минуту снова отрывает и швыряет о ребра другого пассажира; мебель, чемоданы, посуда и люди — все скользит и валится вперемежку. Океан выкрикивает на ветер свою бессмысленную болтовню все громче и громче, выворачивает себе хребет и разбрасывает свои члены во все стороны. Этих эксцессов не может избежать даже пассажир, находящийся в каюте, койка и та предается пляске святого Витта.

В умывальной к нашему путешественнику подходит один из четырех итальянцев. Он спрашивает вполголоса: *Parla l'italiano?*¹

— Немного. — *Fa attenzione. Miei amici Vogliono attaccarvi*².

— Почему, когда, где хотят ваши друзья на меня напасть?

— *Non so*³.

С ощущением, что повсюду есть друзья и повсюду есть враги, о которых не подозреваешь, ложится наш путешественник на вихляющуюся, стонущую, подпрыгивающую койку.

Едва «Стратхэрд» причаливает, едва он

¹ Говорите по итальянски (итал.).

² Берегитесь, мои друзья собираются на вас напасть (итал.).

³ Не знаю (итал.).

успокаивается, как судно тотчас наполняется движением: движением с суши.

Место причала называется «Аделаида»; однако, от города Аделаиды не видно и дымка; между «Оутер Харбор» (внешняя гавань) и городом пятнадцать миль и столько же — между городом и «Оутер Харбор». Это расстояние, однако, не мешает, имеющим досуг жителям паломничать в «Оутер Харбор», чтобы осмотреть чужестранца, являющегося предметом спора, пожать ему руку и сфотографировать его. Интервью он тоже должен дать, — не дать, а провести, ибо оно превращается в массовый митинг; приехали представители печати со всей Австралии, вокруг интервью теснятся слушатели; между тем нашего путешественника зовут к телефону; иногородний вызов.

К телефону? Иногородний вызов? На борту судна? Он узнает, что океанские пароходы, тотчас после причала, включаются в телефонную сеть. Нашего путешественника для вящей оригинальности мельбурнская «Стар» интервьюирует с берега. «Что вы думаете о Саарском плебисците? — Ваше мнение о перелете Англия—Австралия?» и тому подобное. К счастью, слышимость обратительная.

Репортеры, явившиеся на судно, спрашивают нашего путешественника, знаком ли он с Вики Баум; нет, лично не знаком; они спрашивают, знаком ли он лично с Ремарком; нет, лично не знаком; явное разочарование; они спрашивают, знаком ли он с Фьюхтуендшером; слава богу, Фьюхтуендшера он знает лично, откуда заголовки: лучший друг Лиона Фейхтвангера и т. д.

Но он знал также и других немецких писателей, заявляет наш путешественник, которых теперь уже нет в живых. И он рассказывает об Эрихе Мюзаме, о Теодоре Лессинге, Эрихе Бароне, Франце Брауне, о предательски убитых в казармах наци, об инквизиционных методах Гестапо, о замученных до смерти в концентрационных лагерях, он говорит журналистам о том, кто такие Осецкий, Мирендорф, Людвиг Ренн и Нейбауер — мысль за колючей проволокой, он рассказывает об Эрнсте Тельмане, который получил как кандидат в президенты шесть миллионов голосов, а теперь вот уже почти два года сидит в одиночной камере, лишенный права читать, лишенный права писать, лишенный свиданий; он повествует о десяти тысячах антифашистов, которых постигла та же участь, и немец-

ких рабочих «застреленных при попытке к бегству» или убитых ударом топора.

Об этом мало что знают в Австралии. Не знают, что фюрер наци в своей книге сам признает, что был подослан к национал-социалистам как шпион рейхсвера и таким образом приобщился к политике; не знают, что никогда не был он представлен к железному кресту I класса, никогда не получал его, но всегда носит; не знают, что он долгие месяцы обивал у Гинденбурга пороги, выклянчивая себе назначение, которое теперь официально называется «германской революцией».

Немецкие крестьяне и виноделы из Хандорфа, из Блумберга и других немецких деревень в окрестностях Аделаиды толпятся вокруг нашего путешественника, они пришли сюда, чтобы приветствовать соотечественника и задавать ему вопросы.

Много вопросов, много ответов, пока отдают концы. Внизу на набережной наш путешественник видит впервые австралийский флаг со звездами Южного креста, он развевается на пианино, принадлежащем семье инвалида войны, которая поет и собирает милостыню. «Стратхэрд» проплывает мимо японского торгового судна, выходит в океан и направляется в сторону Мельбурна. К Конгрессу судно уже не поспеет.

На другое утро наш путешественник и другие пассажиры наталкиваются в ежедневно издаваемых судовых известиях на имя, уже знакомое нам и нашим читателям: Джеральд Гриффин. Человек, носящий это имя, новозеландский делегат на Антивоенный конгресс в Мельбурне, при своем приезде в Сидней задержан и отправлен обратно со следующим пароходом. Однако, известия, полученные по радио, умалчивают об одном, о том, что Джеральда Гриффина, британского подданного, ирландца из Корка, заставили писать диктант по-голландски и выдвинули как мотив его высылки то, что он экзамена не выдержал.

Конгресс в данную минуту еще ничего не знает об экзамене Джеральда Гриффина по голландскому языку. Правда, Гриффин сообщил об этом телеграммой, но телеграмма придет с двухдневным опозданием, министр почты и телеграфа Мак-Лаклан заявит в ответ на запрос, что австралийская почта пропускает ежедневно сто тысяч телеграмм и что при величайшей тщательности, и т. д. и т. д.

На эстраде, в городском зале мельбурнского порта, где сегодня начинается Конгресс, два стула пустуют, над ними висит плакат: «места двух заокеанских делегатов, которым правительство Лайонса не позволило выступать против войны и фашизма».

* * *

Знаете вы, что такое Поппи-Дэй? Поппи-Дэй бывает в британских странах 11 ноября в память о победоносном заключении перемирия. Каждый украшает себя бумажным маком, у мужчин — он в петлице, у дам — на северном склоне восточной груди. Пассажиры с кружками продают цветок на борту судна, и даже цветная команда, сквозь которую обычно смотрят так, словно она состоит из воздуха, даже ей сегодня оказана честь быть завербованной в качестве покупателей. Единственное человеческое существо без красного мака — это наш путешественник; неделю назад он может быть тоже нацепил бы его, чтобы не выделяться, сегодня же, разоблаченный как противник войны, он уже не может в этом участвовать.

Без цветка ожидает он обещанного нападения итальянцев. Он открыл намерение врагов Стэнлею Квинлэну. Стэнлей Квинлэн — это один из великанов, которые отвозили австралийских пони в индусскую армию, а теперь возвращаются в Малли, в богатую пастбищами часть Виктории. Каждое воскресенье следует Стэнлей Квинлэн зову Вестминстерских колоколов, звон которых передается из Лондона по радио, приглашая пассажиров туристских кают в салон первого класса, на богослужение, — один раз в неделю упрядняется классовый характер общества и на «Стратхэрде». Но и по будням Стэнлей Квинлэн, скатившись со слишком короткой койки, молится вслух, в остальное время он ругается, как может ругаться крестьянский парень из Малли, и топит в виски свое раскаяние за кощунственную ругань.

Иногда во время вечерней трапезы раздают бумажные головные уборы, чтобы вызвать восхитительное карнавальное настроение. Стэнлей Квинлэн собирает на палубе измятые бумажные колпаки. — Для моих племянников, — говорит он смущенно, когда кто-то застаёт его за этим занятием. — Я, собственно, собирался привезти им что-нибудь другое, но все свои деньги пропил.

Поближе к нему, к этому Стэнлею Квинлэну, словно к старшему брату, и держится наш путешественник, с тех пор, как его предупредили относительно итальянского нападения; наш путешественник не может пускаться в драку, иначе его заклеят вторым Рауди, а этого как раз и хотели бы его противники на судне и на суше.

К сожалению, Стэнлей Квинлэн не сидит за одним столом с нашим путешественником, а тут-то и разыгрывается событие. В столовой курить запрещено, но когда трапеза кончена, то спрашивают разрешения у дам, и если они разрешают, то закуривают папиросу.

И вот, прямо в разгаре сегодняшней папиросы, налетают итальянцы, и один кричит по-английски на фоне рабардер-рабардер остальных, что здесь нельзя курить, стюард, вышвырните этого молодца. Повысив голос, наш путешественник заявляет, — берегитесь, я боксер и разможжу вам челюсть, — и косит, при этом, в отдаленную часть зала, достаточно ли громко он ответил, чтобы Стэнлей Квинлэн услышал.

Нерешительно переминается цветной стюард, он не решается вмешаться, но итальянцы уже толкают его на нашего путешественника, — go on, go on¹, другие пассажиры окружают их, тогда, наконец, наконец, топая, подходит старший брат, решительно раздвигает плотное кольцо зрителей, оттаскивает дрожащего стюарда, отстраняет итальянцев и кивает зачинщику: — Пойдем-ка на палубу, я, чорт возьми, поговорю с тобой, трус проклятый.

Однако оказывается, и все свидетели видят это с восхищением, что проклятый трус вовсе не трус, но, наоборот, горит желанием померяться силами со Стэнлеем Квинлэном, великаном. — Да, пойдём, — выйдем, на палубу, я тебе покажу, кто трус, — ревет итальянец, засучивает рукава и, охваченный жаждой борьбы, спешит к двери. Стэнлей едва поспекает за ним, итальянец насмешливо оборачивается, — поскорее, мой мальчик, я покажу тебе. — Друзья окружают его, Стэнлей Квинлэн идет следом, пассажиры теснятся за ними, но когда они выйдут, чтобы посмотреть на бокс, они видят только одного Стэнлей Квинлэна, который бормочет смущенный, словно ребенок: Они ушли, они ушли. — Так провокация кончается смехом.

¹ Давай, давай! (англ.).

Судно приближается к Мельбурну, к юбилейному городу. Сначала ждали короля, но меньше чем за год стало известно, что в Австралию приедет не король, а его старший сын, принц Уэльский. Вскоре после этого было официально сообщено, что не наследник престола, не принц Уэльский займет место короля на столетнем юбилее штата Виктория, а герцог Кентский; с большей радостью, чем штат Виктория, отнесся к этой замене конкурирующий с ним штат Новый Южный Уэльс, а именно со злорадством.

Итак, герцог Кентский. Фабрикуются сотни тысяч эмалевых значков с герцогом Кентским, шоколадные коробки с герцогом Кентским, флажки с герцогом Кентским, открытки с герцогом Кентским. Иллюстрированные издания о герцоге Кентском.

Но вдруг на герцога Кентского неожиданно возлагают другую задачу, а именно женитьбу на Марине Греческой, и Австралии достается герцог Глостер. А куда же девать значки, конфетные коробки, открытки и прочие предметы с герцогом Кентским?

Все же, празднество выйдет импозантным, если ничто не помешает, говорят себе организаторы. А что может помешать, добавляют организаторы в этой беседе с самими собой, уж не Антивоенный конгресс ли? Смешно. Ведь обоих заокеанских делегатов не будет; Джеральд Гриффин дал себя отправить обратно в Новую Зеландию и послушно сидит там; другой незаметно проедет мимо города. Если бы не шум, поднятый по поводу запрещения, можно было бы замолчать весь Конгресс.

Австралийское бюро МОПР возбудило в Мельбурне дело о похищении человека. Капитан парохода не имеет права таскать, точно пленника, пассажира по всем морям только потому, что пассажиру запрещено где-то высадиться. Разве капитан «Стратхэрда» предварительно убедился в том, что это запрещение справедливо? В Австралии существуют законы об удалении нежелательных лиц, но правом высадки обладает каждый, если «правительство дружественной державы не протестует официально против его въезда». Имел ли место такой протест, и со стороны какой дружественной державы? И был ли капитан об этом извещен? Если не был, то капитан повинен

в киднаппинге, то есть в похищении человека.

Согласно британскому праву только одно лицо может обжаловать нарушение британского права: это король Великобритании, но он едва ли собирается привлечь к суду капитана «Стратхэрда» за увоз противника войны. Вместо короля и именем короля это может сделать сам потерпевший. Но там, где находится истец, то есть в открытом море, никакого судьи нет, а там, где есть судья, то есть на австралийском берегу, нет истца, ни короля Георга V, ни его представителя Киша, и ни один из них никого не уполномочивал предъявлять иск.

Правда, верховный суд штата Виктории заранее этого знать не может. Он должен немедленно собраться, как только поступит иск о нарушении Magna Charta¹ и заповеди: имей тело и располагай им, пока оно согласно судебному решению не будет заключено в тюрьму. Итак, делу был дан ход на основании иска о нарушении закона Habeas corpus², и лишь в начале процесса, суд установит следует ли признать иск законным.

Но организаторам юбилейного торжества нечего опасаться, что этот процесс может испортить праздник. Просто представитель правительства предъявит ноту, в которой дружественная держава, а именно Англия, официально просит не разрешать высадки нашему путешественнику, и тогда капитана оправдают, и судно, вкуче с истцом, поплывет дальше, в Сидней.

Пока же «Стратхэрд» входит в Порт-Филипп — в мельбурнскую гавань, подехавшая на баркасе дама поднимается на борт и представляется нашему путешественнику как миссис Розенов — его адвокат в процессе против мистера Картера, обвиняемого в «киднаппинге»... Хабеас корпус — очень рад, очень рад — бормочет наш путешественник и недоумевает, какой процесс? Кто такой мистер Картер? «Киднаппинг» — это по-американски, «хабеас корпус» — это по-латыни, а все вместе кажется ему китайской грамотой. — Приедет нотариус и установит вашу личность. Миссис Аренс подтвердит, что она знает вас по Берлину, с января 1932 г. вы встре-

¹ Великая хартия (лат.).

² Неприкосновенность личности.

чались в квартире депутата Мюнценберга на Фридрихштрассе... А-а, вот они уже идут, нотариус и женщина, и нотариус спрашивает, знает ли наш путешественник эту женщину. Разумеется,— отвечает он,— разумеется, он знает эту даму, это же миссис Аренс. И он встречался с ней в квартире депутата Вилли Мюнценберга в Берлине на Фридрихштрассе.— Когда это было?— строго спрашивает нотариус, держа обеими руками протокол, словно герольд императорскую буллу.— Это было в январе 1932 г.,— заявляет наш путешественник, не моргнув глазом; и теперь все в порядке, ибо совершенно то же значится в показаниях миссис Аренс, его можно теперь нотариально заверить и поставить печать. Наш путешественник официально отождествлен с самим собой, хотя мог бы в январе 1932 г. находиться с таким же успехом в Шанхае, вместо Берлина, а господин Вилли Мюнценберг, может быть, на Фридрихштрассе никогда и не жил. Но установить правду в судебном порядке можно только таким путем.

Нотариус, адвокат и свидетельница уходят, им нужно в суд, на сцену выступают другие. Правда, полиция оцепила пристань, ни делегации, ни посетители-одиночки не имеют права приходить к нашему путешественнику, но они все же приходят. Ибо посещать других пассажиров не возбраняется, нужно только назвать фамилию того, к кому идешь, и констебли проверяют по судовому списку, есть ли такой. Но называемая фамилия всегда в нем значится, друзья нашего путешественника раздобыли список, и каждый называет совершенно бесспорную фамилию.

Членов парламента обязан пропускать любой кордон. Наш путешественник с удивлением пожимает руку сенатору Артуру Раэ и депутату доктору Мэлони. Когда он во время переезда прочел эти имена в книге «Пробуждение Австралии» (с ними первые представители рабочих вступили в древний период раннего австралийского капитализма), он думал, что увидит их только на памятниках. Но в этой стране нет ничего очень давнего, и вот обе легендарные фигуры перед ним собственными персонами.— Есть ли у вас конспект вашего доклада или что-нибудь в этом роде?— спрашивает нашего путешественника секретарь Конгресса... — Да, есть,— отвечает наш путешественник и радуется, что его

работа не пропадет даром; получив конспект речи, секретарь поспешно уходит, чтобы зачитать его с трибуны.

На пароходе много стен, а на стенах расклеено множество листовок, с напечатанным на них пожеланием: «Киш должен сойти на берег», один экземпляр прикрепили ему к пиджаку, что побуждает фотографов сделать увеличенные снимки с его петлицы. Антифашистская молодежь в лодках окружает «Стратхэрд». На их знаменах и полотнищах лозунги протеста против варварства наци, за освобождение политических заключенных в «Третьей империи»; парни и девушки поднимают весла; машут флагами, кричат хором: «We want Kisch» («Мы хотим Киша»), и наш путешественник может на это ответить только: «I want you» («Я хочу вас»).

Среди гостей на судне есть писатели, протестовавшие против запрещения высадки. Обсуждают профессиональные вопросы, уславливаются относительно собрания, на котором будет учреждена «Райтерс Лиг», австралийская секция Интернационала писателей.

Одновременно, перед верховным судом штата Виктория разворачивается процесс; похищение или легальное изъятие, вот в чем вопрос. Что происходит там и вообще на суше, об этом сообщают быстро следующие друг за другом выпуски вечерних газет,— сообщения о Конгрессе, о процессе, о сценах на набережной, об арестах за распространение и расклеивание листовок, за неподчинение приказам полиции, за оскорбление при исполнении служебных обязанностей.

На судне становится все оживленнее и оживленнее, все толкаются и теснят друг друга, разговоры один на один стали невозможны. Давайте устроим митинг! Митинг вышел трехэтажный. С верхней палубы его ведет председатель союза железнодорожников, Т. М. Глизон, и оттуда же говорят ораторы; на средней крытой палубе, на носу и на корме, гости и примкнувшие к ним, заинтересованные пассажиры, составляют аудиторию, но отнюдь не всю; участники собрания, по большей части — портовые рабочие, стоят на набережной до самой воды, участники собрания, по большей части — молодежь, слушают из своих украшенных красными флагами лодок, у подножья «Стратхэрда».

С тех пор как по морям плавают корабли, обитатели суши, вероятно, еще никогда не видели, чтобы судовая палуба служила местом политического митинга. Кино-операторы крутят аппарат, снимая революцию на море, отряд полиции поднимается по сходням, но не вмешивается, как бы резко ораторы ни ругали правительство.

...правительство. Оно заседает в Канберра, где заседает и парламент, волнение там вздымается прибоем. Один из министров считает себя, в качестве писателя, вынужденным дать объяснение.

Представитель департамента пошлин, мистер Уайт, высказал сегодня свое удивление и недовольство по случаю протеста, заявленного, без предварительного опроса членов союза, председателем Союза писателей, мистером Бернардом Кронином против изгнания Киша. — Я сам член союза, — сказал мистер Уайт, — но опрошен не был. Как можно верить утверждению Киша, что он писатель — для меня непостижимо. Произведения, которые якобы написаны им, миру повидимому неизвестны. Во всяком случае, установлено, что ни одна из его книг не была переведена на английский язык.

Пусть автору и очень горько допускать подобную насмешку над собой, но обижаемому некогда обижаться (может быть, позднее).

Снова раздается голос генерального прокурора Мензейса: все предпринимаемое для высланного бессмысленно и бесполезно, ибо так же, как новозеландский делегат на Антивоенный конгресс Джеральд Гриффин был без стеснения отправлен обратно туда, откуда он приехал, так же будет отправлен и делегат из Европы. Его ноги, — я заявляю это в третий и последний раз, — не будут на территории Австралийского союза.

Пусть делегату и очень горько слышать подобные поношения, но как ни стараются его обескуражить, он не имеет времени на это (может быть, позднее).

Решение вопроса о том, будет ли позволено нашему путешественнику ступить на австралийскую почву, пока все еще зависит от верховного суда в Виктории. Процесс начался рано утром. Миссис Аренс заявила, что капитан «Стратхэрда», мистер А. Е. Картер насильственно и незаконно держит ее берлинского друга на судне, хотя ее друг и имеет совершенно законную

в'ездную визу от британского генерального консульства в Париже. Миссис Розенов, действующая здесь от имени нашего путешественника так же, как он действует от имени короля Великобритании и Ирландии, требует «order nisi», отмены незаконного задержания на пароходе. На это обвиняемый капитан возражает, что он несет ответственность за то, чтобы распоряжения правительства на его судне исполнялись. Правда, сейчас он не может предъявить приказа правительства, с предписанием задержать истца. Заседание суда переносится на завтра.

День тоже переносится на завтра, и над Порт-Филиппом и городом Мельбурном спускается вечер, волны устают и окна темнеют, но вихрь посетителей на «Стратхэрде» не стихает, он длится всю ночь, продолжается без перерыва на следующий день.

«Стратхэрду» следовало бы уже вчера вечером выйти в море, если бы оно выполняло расписание. Но судно задержалось и задержится до тех пор, пока решится, законна ли задержка одного из пассажиров.

Гости нашего путешественника беседуют, разумеется, не только с ним, но и между собой; их разговоры, перебивающие друг друга, это разговоры о повседневности, правда, о мельбурнской повседневности.

— Разве вы уже не в Колесной мастерской?.. — Ваша девочка учится в одной школе с нашей Нелл, я узнал об этом всего несколько дней назад... — Пойдем выпьем потом коктейль у Мензейса... — Нет, я работаю уже около года на Рэскиновых лимузинах... — А что, наш Джон Фишер, действительно сын премьер-министра Андрю Фишера?.. — Лучше всего ехать с Флиндерс-Стрит на Дипдин до Кью... — Мы живем теперь в Гейдельберге... — Вы должны выступить в понедельник на нашем митинге в Юнити-Холл, хоть несколько слов... — Приходите в шесть к скрипичному мастеру Билло Долфину выпить стакан пива... — Бурк-Стрит... Коллинд-Стрит... — Сначала позвоните мне, Ивангое 4646; это легко запомнить...

Да, да, говорит себе наш путешественник, это легко запомнить, но трудно понять. Все трудно понять. Как могут мои друзья назначать друг другу свидание, чтобы выпить коктейль у Мензейса, государственного прокурора, моего врага? Как мо-

гут мельбурнские семьи жить в Гейдельберге и вместе с тем находиться здесь? С каких пор люди заходят к скрипичному мастеру, когда хотят выпить пива? Что такое дипдин?

Там, внизу, в нескольких шагах отсюда лежит гигантский город. Похож ли этот Мельбурн на Берлин, а эта Австралия на Европу? Как хотелось бы ему все увидеть и описать, выполнить возложенное на него задание, говорить и предостерегать от варварства, свидетелем которого он был, а он не может сойти с этого проклятого дерьмового судна. Никогда не буду я пить пиво в скрипичной мастерской Билля Долфина, никогда не узнаю, что Гейдельберг значит по-австралийски, никогда не пройду ни по Бурк-Стрит, ни по другой улице, размышлял наш путешественник среди всего этого шума, который приливает к нему с берега и отливает от него на берег.

На другой день на суд является представитель союзного правительства и зачитывает объяснение министра внутренних дел Патерсона:

«18 октября 1934 года во исполнение раздела 3-го § GN закона об иммиграции, министр, правомочный в применении указанного закона, на основании информации, полученной официальным путем из другой части Британской империи, объявил Эгона Эрвина Киша нежеланным посетителем или жителем австралийского государства».

Представительница нашего путешественника объявляет данные этого документа ложными; 18 октября министру не было известно, что делегат приедет. Приказ, данный портовым чиновникам в Фремантле, гласил: «Киша, который по сообщению мельбурнских газет должен прибыть для публичных докладов, к высадке не допускать». Но первые газетные сообщения о предстоящем приезде появились лишь через две недели после 18 октября. Запрещение — дело рук немецких национал-социалистов в Австралии, и утверждение министра, что имеется полученная официальным путем информация от другой части империи, — явная ложь. Где эта информация? Каков ее текст?

На эти вопросы ответа не последовало. В час пополудни верховный судья встает и заявляет, что он, противно обычаю предпосылать приговору его обоснование,

сначала огласит самый приговор, чтобы «Стратхэрд» не задерживался в порту дольше, чем это необходимо. Итак, приговор гласит: «Иск отклонить, задержание истца на судне признать законным, судебные издержки отнести за его счет».

Это известие сообщают по телефону на пароход, сигнальный свисток свистит, посетители должны покинуть судно. Наш путешественник прощается и обещает появиться на верхней палубе, чтобы еще раз помахать рукой. Молодому репортеру, с которым он дискутировал по поводу его политических сомнений, он на прощание дает совет, после того как судно отойдет, пробыть еще несколько минут на набережной.

— Не могу, я и так уже опаздываю в редакцию.— Рискните пятью минутами.

Через несколько дней наш путешественник получает от молодого репортера возмущенное письмо с благодарностью; репортер все же остался, «не послушайся я вашего совета, меня с позором бы выгнали, ибо я упустил бы все, что произошло».

Что же произошло? «Стратхэрд» отошел, между килем и берегом был уже метр воды и тут толпа на берегу вдруг с ужасом увидела как на высоте пяти с половиной метров над ее головами какой-то человек вскочил на перила; ради бога, он же не собирается броситься вниз?

Читатель поймет, что мы не сами сообщим о происшедшем, но предоставим рассказать о нем менее причастным к делу лицам. В берлинском «Ангриф», например, об этом сказано следующее: «Еврейская наглость неистового репортера. Заслуженная кара: у Киша сломаны обе ноги». Без сомнения, «Ангриф» преувеличивает; еврейская наглость все же не была настолько велика, она удовольствовалась тем, что сломала ему одну ногу, правда, дважды.

Кто ближе к месту происшествия, тот ближе и к фактам. Вклеим сюда просто-напросто первую страницу, любой австралийской газеты:

«Узнав, что суд отклонил ходатайство об его освобождении, чехословацкий писатель и делегат Эгон Эрвин Киш прыгнул с палубы «Стратхэрда» в тот момент, когда судно собиралось уйти на Сидней. Упав с высоты 18 футов на стальной рельс мола, он повредил себе ногу и, сделав шаг, упал. Друзья хотели помочь ему, но подбе-

жавшие констэблы подняли его и под предводительством двух инспекторов-детективов, понесли, несмотря на все его протесты, по направлению к судну.

— Раз вы арестовали меня на суше,— кричал он пронзительным голосом,— вы не имеете права нести меня на пароход.— Однако на этот протест не было обращено внимания и Киша доставили на судно, которое, дав задний ход, возвратилось к пристани и спустило сходни. Ту часть публики, которая стояла недалеко от палубы, охватило неопишное волнение, выражавшееся всевозможными способами и не утихшее даже после вторичного отплытия «Стратхэрда». Полиция сейчас еще очищает мол от публики.

Прыжок был следствием полученного на судне известия, что верховный судья Ирвин в иске отказал. Киш, хотя перед тем и уверял друзей и посетителей, что не ждет освобождения в Мельбурне, все же был поражен этим решением. Его гости удалились на берег и ждали прощального слова. Когда он появился у перил, некоторые закричали: почему вы не сойдете на берег? — Он показал на человека, почти не отходившего от него и повидимому, его сторожившего. Затем Киш удалился, после чего большинство его друзей покинуло мол, так как судно начало развивать скорость. Не прошло и трех минут, как Киш появился на юте, вскочил на перила и спрыгнул вниз. Он упал на мол, встал, сделал шаг и снова упал с искаженным от боли лицом. В то же мгновение, возле него очутился констэбль И. Б. Целлер и любезно спросил, не ушибся ли он. Киш ответил, что сломал правую ногу. Его подняли и, несмотря на громкие протесты, отнесли по приказу детектива на снова причаливший пароход.

Из главного полицейского управления нам сообщили, что Картер, капитан «Стратхэрда», ответственный за Киша, в момент возвращения судна потребовал от полиции, чтобы беглеца доставили обратно.

Прежде чем «Стратхэрд» снова отчалил, демонстранты обклеили корпус судна листовками, на которых было напечатано: «Киш выслан Гитлером в

1933 году — Лайонсом в 1934 году; Киш должен сойти на берег». При расклейке листовок были арестованы две женщины.

Дальнейшие сведения о сценах, происходивших у сходней, стр. 2 и 4.— Дело Киша перед судом, стр. 5. Вопрос о Кише и Гриффине в парламенте, стр. 5. Чехословацкий Бетховен (Сметана), стр. 8.

* *

Нашего корчившегося от боли путешественника принесли к судовому врачу, который только пожал плечами: без просвечивания рентгеном ничего нельзя сделать, а на пароходе нет рентгена. Желая все же инсценировать какую-то помощь, он велит наложить перевязку. Пациента несут в его каюту сквозь строй враждебных взглядов.

Друг О'Хара, стюард, помогает нашему путешественнику раздеться. Он не может пошевелиться. О'Хара делает из простынь петлю, и перекидывает ее через койку, над нашим путешественником, которая освободилась в Мельбурне. Благодаря этой петле можно хоть немного подтягиваться, но и это причиняет неимоверную боль. У него сильный жар.

О'Хара говорит: — Что вы наделали?! Вы не должны были этого делать, все пассажиры теперь против вас.

Наш путешественник вспоминает заявление министра, что никогда нога его не ступит на территорию Австралийского союза. А вот он все же ступил на эту территорию и при этом сломал ногу. Мистер Мэнзейс может смеяться. Смеется и дипломат наци, в силу вмешательства которого ему было запрещено сойти на берег, и Гестапо в Берлине смеется в свой кровавый кулак.

На судне нет рентгена, его ногу оставят без гипса, не вправят ее, а «Стратхэрд», повидимому, нисколько не собирается поворачивать обратно. Когда судно на будущий год снова пристанет в Европе, он без сомнения давно уже будет калекой. Лучше всего ни о чем не думать. Но читать он тоже не может, слишком сильная боль в сломанной ноге. Там на чемодане мерцает имя Гельдерлинга, выведенное красными чернилами на пергаментной обложке — от руки переписанный томик стихов, подарок одной немки, товарища из Мельбурна. Приносят телеграммы из Сиднея и Мельбурна: «Почему спрыгнули знак

вопроса телеграфируйте двести слов редактору. К черту! Может быть следовало бы телеграфировать в Сидней, в чехословацкое генеральное консульство, что необходим рентгеновский снимок ноги; телеграммы в консульстве не могут быть задержаны.

Снова приходит телеграфист: — Не напишете ли вы мне телеграмму? Большое спасибо. Дайте мне, пожалуйста, вон ту книжечку с чемодана. Большое спасибо.

Но нам дано
Нигде покоя не видать,
Исчезают и гибнут
Люди в страданиях,
Падая слепо
Из часа в часы.
Так воды скалою
Отброшены к скалам
Туда, в неизвестность — вниз.

Нет, он не может читать, его губы и пароксизм скандируют стихи в неверном ритме. Стены каюты выстукивают словно машинка все то же слово из десяти букв, пауза, затем опять десять букв. Наш путешественник размышляет о словах в десять букв, он чувствует как температура поднимается, если бы он хоть мог заснуть: заходит стюард и спрашивает, не выключить ли свет? — Олрайт, потушите свет, О'Хара, и попросите у доктора снотворного. — Нелепые стишки вгрызаются в мозг нашего путешественника.

После безвременного времени потихоньку возвращается О'Хара в каюту, потихоньку, чтобы не разбудить больного, если он заснул. О сне не может быть и речи; в ноге торчит сломанная кость, в голове — стишки о какой-то мыши, которая, доберись она до сала бы, не скакала бы с палубы, глупое животное.

Два порошка сегодня, два на завтра, велел сказать врач; наш путешественник принимает все четыре, но и это не помогает. В дверь стучат, нет, это только превратившийся в пишущую машинку пароксизм.

Здесь господин Штраус, шпик французской концессии в Шанхае, стоявший и тогда возле кровати, когда у нашего путешественника был приступ малярии. — От имени господина Уссаковского мне поручено передать вам приглашение отобедать сегодня вместе с ним и с господином Тренич-Линкольном в отеле Катай; он при-

шлет за вами свой автомобиль. — Наш путешественник орет на него, сколько раз он ему повторял, что больше не желает его видеть. — Если здесь присутствуют и другие, — отвечает Штраус, — то могу быть и я, я еще никого не довел до виселицы.

Маленькая толстая женщина рядом с ним, это мадам Дениз из отеля в Версале, где живет наш путешественник. Она говорит пискливым голосом, что комната на третьем этаже ей нужна для летчика. Кто-то стучит и господин Штраус спрашивает, что ему передать господину Уссаковскому и настойчиво повторяет, не наживайте себе врага, он знает совершенно точно, с какими китайцами вы вчера встретились в Чапее.

Снова стук и наш путешественник кричит «entrez»¹, так как мадам Дениз только что объявила по-французски, что летчик должен жить на третьем этаже из-за воздуха и высоты; но вошедший женский голос спрашивает по-английски, можно ли включить свет. — Олрайт, — говорит наш путешественник, включите свет, и вдруг видит — стоит красавица-раскрасавица, каких, к сожалению, видишь только при высокой температуре.

— Товарищ, — говорит она, — президиум Конгресса поручил мне сесть на «Стратхэрд», чтобы мы могли держать с вами связь. — Очень любезно, — говорит наш путешественник — очень любезно со стороны Конгресса и с вашей, сударыня. Жаль, что океанские пароходы только в бреду принимают на борт пассажиров ближнего следования, иначе вы были бы действительностью. Вас зовут, конечно, Диотима, не правда ли?

— Меня зовут Гвендолин. Мне пришлось взять билет до Новой Зеландии, так как океанские пароходы не берут пассажиров ближнего следования.

Разве не замечательно, когда у тебя жар? Если логика противится ирреальным явлениям, то создания бреда отвечают на это логически-обоснованно. Даже незачем высказывать свои сомнения, достаточно подумать о них и видение уж тут как тут, чтобы рассеять их.

— Вот мой билет из Мельбурна в Веллингтон, чтобы вы мне поверили, товарищ. И вот мое партийное удостоверение; я парторг Районного комитета Х. Друзья

¹ Войдите (франц).

послали меня на судно еще до окончания процесса, но я с вами не заговаривала, чтобы нас не видели вместе. Поэтому я днем и не приходила. Я останусь на судне, пока останетесь вы.

— Да, товарищ Гвендолин, оставайтесь со мною на судне вечно, но вы не должны были бы мне этого говорить, именно при господине Штраусе, так как он шпиик.

— Я еще никого не довел до виселицы,— говорит Штраус.

— Кто? Я никакого Штрауса не знаю,— говорит Гвендолин.

— Извините, пожалуйста, меня немного лихорадит,— говорит наш путешественник,— я, конечно, знаю, что здесь никого нет, и вас нет, о ты, прекраснейшая из бредовых грез.

— Я не хочу вам мешать, товарищ, если у вас слишком сильные боли.

— Остановись, мгновение...

— Я должна сообщить три вещи, товарищ. Во-первых, вчера решено, что если вы проиграете процесс в Мельбурне, то дело будет снова возбуждено в Сиднее.

— И тогда я смогу сейчас же вернуться в Мельбурн и выпить стакан пива у скрипичного мастера Билля Долфина. Жаль только, что это невозможно. Ведь верховный суд решил дело не в мою пользу, а высшей инстанции не существует.

— Это высшая инстанция для Виктории. В Сиднее же Верховный суд Нового Южного Уэльса и, кроме того, тамошний верховный суд для всего государства...

— ...И они тотчас пустят меня на берег и торжественно передо мной извинятся, не правда ли?

— Во всяком случае, в Сиднее гораздо более благоприятная обстановка; там нет никакого юбилея и никаких королевских приездов, которым вы могли бы помешать. В Сиднее, как правило, делают как раз обратное тому, что делают в Мельбурне, и верховный суд довольно демократичен. Может быть, вас действительно пустят на берег.

— Тогда я смогу освободить эту комнату, *c'est entendu*¹, мадам Дениз.

— Что вы говорите? Итак, это первое, что мне поручено передать.

— А второе, о ты, вестник радости по имени Гвендолин? Что случится, если мышь не доберется до сала?

¹ Решено (франц.).

— Во-вторых, ваш доклад выйдет отдельной брошюрой. Сегодня ночью он будет в Мельбурне отпечатан, второй экземпляр рукописи будет доставлен автомобилем МОПР'а в Сидней, чтобы брошюра успела выйти там еще до прибытия «Стратхэрда».

— Но я дал ведь только конспект, а вместо имен везде ставил икс.

— Не беспокойтесь. Я все перепечатаю. Мы прекрасно знаем, где вместо икс надо поставить «Гинденбург» и где «Гитлер».

— Вы все перепечатали? Скажите, а там много слов в десять букв, извините...

— Это отличный анализ германского фашизма, много конкретного материала, до сих пор нам неизвестного.

— А какую третью вещь вы хотели сообщить мне, товарищ Гвендолин?

— Третью! Третья настолько конспиративна, что даже вам я не могла сказать ее до одиннадцати часов вечера. Вы знаете, кто такой Джеральд Гриффин?

— Ну, разумеется, делегат, которого отправили обратно в Новую Зеландию.

— Да. Но он вернулся. Под другим именем. Сегодня вечером он выступает у горняков Нью-Кэстля.

— А его не арестуют?

— Мы приняли все меры... Кроме того, полиция не так легко решится арестовать человека на митинге горняков. Высадка Гриффина — удар по реакционерам. Широкие круги возмущены обоими запрещениями, движение против войны и фашизма растет,— если бы могли высадиться еще и вы...

— Про Гриффина,— это замечательно, я чувствую себя теперь гораздо лучше.

— Да? Вот это хорошо, товарищ. Я должна следить, чтобы вас тайком не перевели на другое судно или еще куда-нибудь и не изолировали бы. Когда вы захотите послать телеграммы, я, разумеется, это сделаю, мне выдали деньги для этого. Или вам может быть еще что-нибудь нужно?

И так прошла ночь, несмотря на снотворное, ночью без сна, и так прошла ночь, несмотря на боли, ночью без болей.

На светлосерых волнах, пробегающих мимо иллюминатора, поблескивает золотое шитье,— значит настало утро, и гостя исчезла из каюты и день извещает о себе

отовсюду, даже из Европы: телеграфируйте здоровье.

За обедом, пока все в столовой, в каюту проскальзывает Гвендолин, и приносит полученную на ее имя телеграмму: «Концерт исключительно удачен горячий привет семье». Под «концертом» подразумевается вчерашнее выступление Гриффина, «семья» — это наш путешественник; горячий привет — это помогает.

Из багрово-синей, отекающей, распухшей ноги боль распространяется по всему телу, но и только, до сознания боль не доходит; парадокс; боль налицо, но она не ощущается.

На утро приходит старший стюард и сообщает нашему путешественнику, что должен его запереть. — Что? — кричит наш путешественник, — вы с ума спятили! Я же не арестован! — Приказ капитана. — Передайте капитану, что это дорого обойдется и ему, и пароходной компании. За лишение свободы — тюрьма. Я заплатил за свой билет, как и любой пассажир, и имею право на одинаковое обращение, пока не совершил ничего преступного. Передайте это капитану. — Старший стюард уходит, и ключ повертывается в замке.

Заклучение на судне — самый гнусный вид заключения; даже если бы ты мог встать и барабанить в дверь — среди этого треска машинного отделения, никто бы тебя все равно не услышал, тут внизу весь день никого не бывает. Что означает эта мера? Чтобы помешать побегу, достаточно было бы охраны у дверей. Очевидно, боятся, чтобы рабочие силой не унесли нашего путешественника с судна. Очевидно, возвращение Джеральда Гриффина наделало столько шуму, что правительство боится опростоволоситься вторично. Очевидно, хотят помешать тому, чтобы в Сиднее начался такой же бурный наплыв посетителей, как в Мельбурне, и чтобы на палубе снова был организован митинг.

Вдруг раздается тревожный вопль сирены. Наш путешественник слышит, как спускают переборки. Вернее всего это ложная тревога; по пути устраивались по крайней мере шесть раз репетиции пожарной тревоги, теперь это строго обязательно, команду и пассажиров обучают, как себя вести во время минной атаки. Но разве на этот раз невозможно настоящее крушение или настоящий пожар? Наш путешествен-

ник вспоминает об Альберте Лондре на «Джордже Филлипаре».

В случае катастрофы, заключенному на судне остается одно из двух, либо сгореть, либо медленно опуститься в своей запертой камере на морское дно, у... у... Заключение на судне — гнусное заключение, говорит себе наш путешественник, так как кроме себя сказать некому. Гвендолин ведь тоже больше не придет, ибо она не создание бреда.

Машины «Стратхэрда» застопорили. Пристал ли пароход к сиднейскому берегу, или подошел тендер, этого наш путешественник не знает, но, вероятно, происходит одно из двух. В каюту впускают сиднейского врача-женщину, посланную МОПР'ом; ее сопровождает судовый врач. Появляется консул, нет, только чиновник из консульства, не сам господин генеральный консул, его наш путешественник не будет лицезреть и в дальнейшем, господин генеральный консул отнюдь не хочет себя компрометировать; он даже не ответит на заданный ему общественностью вопрос, действительно ли Киш — писатель или только выдает себя за такового.

Женщина-врач констатирует перелом лодыжки и берцовой кости и говорит, качая головой, судовому врачу.

— Как вы могли сейчас же не отправить этого человека в Мельбурнскую больницу?!

Судовой врач смущенно бормочет, что осмотр пациента происходил только тогда, когда пароход уже отошел. Чиновник из чехословацкого консульства спрашивает, чем он может быть полезен нашему путешественнику, тот отвечает: спасибо, ничего не нужно.

У дверей каюты два стюарда во главе со старшим ждут конца осмотра, чтобы затем поворотом ключа снова превратить каюту в тюрьму. Но медицинский осмотр затянулся, «Стратхэрд» уже в Сиднее; он стоит у Пирмонтской набережной. На судно явились люди. Женщина-врач и чиновник из посольства еще не отошли от постели больного, как уже врывается толпа друзей и любопытных, они оттесняют трио стюардов с их поста, волна за волной вливается в тесную каютку. Одновременно в ней помещается не больше десяти-двенадцати человек, хотя они и сидят под потолком, на пустой койке, на чемодане, на умывальнике. Нетерпеливо ворчат дожда-

ющиеся за дверь, пусть одни выйдут, надо дать войти и другим.

Наш путешественник узнает: Джеральд Гриффин уже выступал на трех митингах, после его речи в зале вдруг стало темно, и Гриффин исчез без следа, под защитой друзей, страна смеется, правительство неистовствует, полиция ищет. К антифашистскому движению примыкает все большее число последователей, из самых разных слоев общества. Преподобный Риветт, восьмидесятилетний священник и друг людей, почитаемый на всем континенте, проповедует в церкви и выступает на собраниях на тему «Киш должен сойти на берег», словно это изречение из Библии.

Сегодня перед верховным судом Нового Южного Уэльса начинается новый процесс нашего путешественника. В согласии с правительством, пароходная компания намеревается переправить нашего путешественника на «Наркунду», отплывающую сегодня из Сиднея в Европу. Но ввиду начавшегося процесса это неосуществимо. Пока дело не закончится, ни капитан «Стратхэрда» в качестве обвиняемого, ни «Наркунда», которая должна увезти истца, не могут покинуть Сидней.

К постели больного подходят двое адвокатов, женщина и мужчина. Миссис Джолли-Смит — юрисконсульт профсоюзов, она уже вела целый ряд процессов, защищая социалистов, и знает хорошо, в чем тут соль. Наш путешественник и она быстро понимают друг друга. Несколько труднее сговориться с адвокатом, который будет вести защиту. Мистер Пиддингтон, К. С., то есть королевский советник, мог бы быть персонажем Диккенса, — дряхлый, иссохший джентльмен, но в душе у него бурлит вулкан, скоро вулкан начнет действовать, и в течение четырех месяцев будет извергать пламя. Он доставит судьям немало хлопот, хотя не так давно сам был судьей.

Он отрекся от своей должности члена верховного суда, от высокого оклада и высоких почестей из протеста против антидемократических мероприятий губернатора, его почитают за стойкость убеждений, как социолога, искусствоведа, как шекспиролога и лингвиста, говорящего на многих языках; в течение процесса нашего путешественника он изучит еще один новый язык, то есть очень старый, вопреки своим семидесяти трем годам.

Правда, он подходит к делу нашего путешественника не с той стороны, с какой тому хотелось бы; старик Пиддингтон стремится провести резкую грань между Кишем и Гриффином, который, своим нелегальным возвращением в Австралию совершил неджентльменский поступок; старику Пиддингтону хотелось бы, чтобы наш путешественник подчеркнул аполитичный характер своего путешествия; старик Пиддингтон содрогается при мысли, что незапятнанный щит нашего путешественника может быть навеки осквернен решением австралийского суда; старик Пиддингтон готов бороться до последнего за то, чтобы избежать подобного позора.

* * *

Уф, теперь должно быть, исчерпаны все возможные положения для фотосъемки; это неподвижное тело уже никак нельзя заснять еще с какой-нибудь стороны. Но едва наш путешественник приходит к этому выводу, как узнает, что теперь его будут снимать изнутри. На судно доставлен целый рентгеновский кабинет вместе с электрической батареей; это обойдется в 100 фунтов стерлингов, в Сиднее это стоило бы максимум полфунта. Но правительственные юристы заявили, что если делать с пассажира рентген на суше, то этим будет нарушено запрещение высадки...

Тяжело больного переносят в экстренно оборудованный рентгеновский кабинет, чтобы просветить его ногу в фас и в профиль. Белым по черному выступает перелом ноги, черным по белому заключение: двойной перелом.

Вопрос о том, имеется ли правонарушение, нельзя установить с такой же точностью. Там, в здании верховного суда, мистер Пиддингтон отвечает на этот вопрос утвердительно. Не может быть запрещена высадка человеку, который уже высадился; его клиента схватили в Мельбурне, следовательно, уже на австралийской территории, и против его воли, силой унесли на «Стратхэрд». Что же тогда называется похищением? Разве в Австралии можно напасть на любого человека и просто утащить на какое-нибудь судно? Я спрашиваю вас, господа судьи, возможно ли это?

Противная сторона не смущается, она предъявляет полученную из Англии информацию о бунтовщической деятельности нашего путешественника. С текстом этого

обвинения, якобы заокеанского происхождения, предъявленного министром внутренних дел, несется старый Пиддингтон в обеденный перерыв на «Стратхэрд», к нашему путешественнику: — Что вы можете на это сказать? — Я скажу, что эту информацию давала не «интеллидженс сервис», а «неинтеллидженс сервис»¹. — Bravo, bravo, это я передам суду. Что в этом обвинении неправда? — Все. На Харьковском съезде писателей участвовали не только коммунисты, но писатели, принадлежащие к самым различным партиям и беспартийные из всех стран. Я не специалист по восточно-азиатской экономике, шпик, составивший информацию, решил так потому, что одна из моих книг написана о Китае. Я никогда не принадлежал к шайке разбойничьего атамана Макса Гельца, ибо Макс Гельц разбойничьим атаманом не был, и не имел шайки, он был вождем рабочих в Средней Германии, и я познакомился с ним только после восстания рабочих и т. д. и т. д., не стоит даже вдаваться в эту болтовню.

Хор врачей: — вы скоро кончите, мистер Пиддингтон? Мы хотим наложить пациенту парижский пластырь. — Да, я кончил. До свидания.

Парижский пластырь? По-английски это вероятно называется английский пластырь, размышляет наш путешественник, но он скоро узнает на опыте, что это гипсовая повязка (plaster²). Подобные недоразумения бывают: так, наш путешественник, благодаря частому и неправильному употреблению английского слова «сгу», внес в свои сообщения сентиментальную ноту; «сгу» — не значит «кричать», хотя так его учили в школе, а «плакать», кричать же переводится на английский словом «shout». Сколько австралиек, должно быть, проливали слезы, читая, как он «плакал» перед полицией, чтобы они не тащили его на борт и как он «плакал» перед стюардом, когда тот запирает его каюту. Поправка: это был не плач, а ошибочный перевод.

Гипс приготовлен, на ногу больного шлепают первую порцию, как вдруг раздаются тяжелые шаги.

¹ Интеллидженс—по-английски значит информация и ум.

² Plaster—по-английски — гипс. Pflaster — по-немецки—пластырь.

На носилках вносят судебного рабочего-индуса, он без сознания, из левого виска сочится кровь. «Упал в люк с высоты двадцати футов», — говорят люди, несущие его, и кладут раненого на другой операционный стол. В головах стоит старик-индус, вошедший вместе с носилками, смотрит, не отрываясь на безжизненное тело, — его сын.

Врачи вопросительно переглядываются, отвечают друг другу глазами: хорошо, кончим сначала накладывать гипс. Но с этим результатом немых переговоров наш путешественник не согласен и он говорит:

— Пожалуйста, займитесь сначала им.

— Это не ваше дело, — шипит на него один из врачей, по девичьему лицу которого трудно было бы предположить в нем такую энергию. Вместо ответа, наш путешественник приподнимается, стаскивает со стола обложенную гипсом ногу, она свисает и могається, гипс капает на линолеум, доктора повертываются к другому операционному столу. Они ощупывают голову индуса. Тот издает из глубины обморока душераздирающий стон. Его отец делает шаг к нему.

Наш путешественник испытывает глубокий стыд, ему хочется прыгнуть с операционного стола. Зачем я здесь? Зачем весь этот шум? Чтобы я сошел на берег и произнес несколько речей? Рядом со мной умирает человек, на глазах у отца умирает сын, старику выдают остаток жалованья, и никто потом даже не вспомнит об умершем.

Когда, размышляет наш путешественник, испытывал я в последний раз чувство такого мучительного бессилия? Он вспоминает. Это было в 1933 году, в общей камере на Александер-плац, среди сорока избитых, изувеченных рабочих. Перебитые челюсти, перебитые пальцы, перебитые переносицы, растоптанные почки, ребра, половые органы, вспухшие, окровавленные спины. Так терзали людей в фашистской казарме на Папэштрассе за то, что они не отреклись от социализма.

Об этом буду я говорить, решает наш путешественник, если мне удастся сойти на берег, от этого буду я предостерегать. Предостерегать от людей-господ, которым недостаточно того, что люди «низшей расы» ради их барышей сваливаются в люк и умирают, но еще калечат их плетями и стальными прутьями, если они начинают размышлять о своем положении.

Перевязка головы, вот, кажется, все, что можно сделать для бедного индуса, затем его снова кладут на носилки и несут в соседнюю палату. Оцепенев, идет следом отец, его взгляд все еще прикован к потухшим глазам сына.

Дверь закрывается за этой процессией. Там, в палате, буду лежать и я, думает наш путешественник, рядом с умирающим, ко-

торого принесли в жертву против его воли, до которого никому нет дела. А вокруг меня целая кампания! Это ужасно.

Теперь наш путешественник снова на очереди. Никогда еще, вероятно, ни на чью ногу гипсовую массу не шлепали с такой враждебностью. Когда его вносят в соседнюю палату, индуса там не оказывается, его отравили в сиднейскую больницу и только пронесли через эту комнату.

(Продолжение следует)
